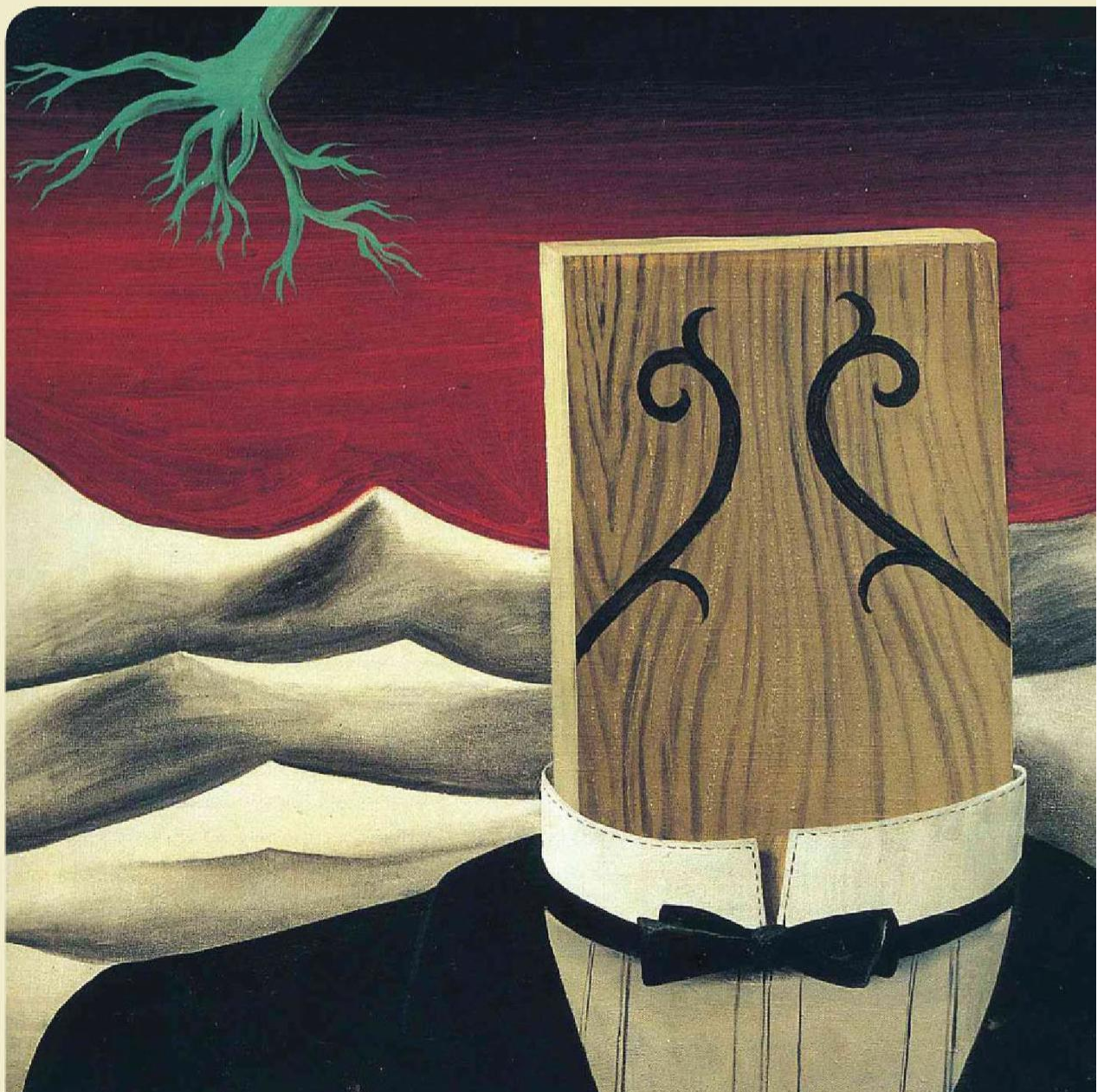

Библиотека
новогреческой
литературы

Лицом вниз

Антология
греческой прозы
XIX века

Библиотека новогреческой литературы

Коллектив авторов

**Лицом вниз. Антология
греческой прозы XIX века**

«Алетейя»

Коллектив авторов

Лицом вниз. Антология греческой прозы XIX века / Коллектив авторов — «Алетейя», — (Библиотека новогреческой литературы)

ISBN 978-5-907189-68-3

Внимание отечественного читателя впервые предлагаются некоторые из самых знаменитых образцов греческой прозы XIX века: повесть А. Пападиамандиса о старухе Франгоянну, образцовой матери и хозяйке, которая, размышляя бессонными ночами о социальной несправедливости и желая улучшить женскую долю, становится серийной убийцей; автобиографические рассказы Г. Визииноса, повествующие о семейных драмах, разворачивающихся во Фракии – греческой области на территории Турции; рассказ «Самоубийца» М. Мицакиса, в котором герой, прочитав предсмертную записку неизвестного ему человека, не может выкинуть из головы его последние слова. Авторы, вошедшие в этот сборник, являются важнейшими представителями греческой литературы XIX в., их произведения переведены на многие иностранные языки.

ISBN 978-5-907189-68-3

© Коллектив авторов

© Алетейя

Содержание

Предисловие	5
Александрос Пападиамандис	9
Биография писателя	9
«Убивица» («Φόνισσα») – главное произведение Пападиамандиса	10
«Пападиамандис – Достоевский греческой литературы».	11
«Апории» Пападиамандиса	
Проблема перевода повести и греческий «языковой вопрос»	13
«Убивица» как социологическая повесть	14
Ономастика повести	15
Связь автора со своей героиней. Диалектика Франгоянну	17
Убивица	19
Глава 1	19
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	35
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лицом вниз. Антология греческой прозы XIX века

Предисловие

*Счастлив, кто падает вниз головой: Мир для него хоть на миг –
а иной.*

Владислав Ходасевич, 1922

Предлагаемая вниманию читателя книга – антология новогреческой прозы второй половины XIX – начала XX века – запоздала более чем на столетие.

Название сборника «Лицом вниз»¹ отражает, как кажется, непредсказуемость этих текстов и их новаторский характер и перекликается со знаменитой строчкой Ходасевича, послужившей эпиграфом к этому предисловию².

Речь идет о прекрасной прозе, яркой и оригинальной, – возможно, лучшем из того, что было написано по-новогречески. Все авторы, представленные в данном сборнике, в большей или меньшей степени находятся в диалоге с европейской литературой и некоторыми шедеврами русской прозы XIX века (в частности, как будет показано ниже, с Достоевским). Однако парадоксальным образом имена писателей, представленных в сборнике, до сих пор практически неизвестны в России. Скажем больше: они и в Греции известны недостаточно, – точнее, речь идет о знаменитых писателях, но все большее количество читателей вынуждено читать некоторых из них в переводе (sic!) на новогреческий, то есть на тот вариант новогреческого языка, который называется «димотика».

Дело в том, что почти все тексты, включенные в настоящий сборник, написаны на кафареvусе – архаизированном книжном варианте греческого языка, сочетающем древнегреческую морфологию и новогреческий синтаксис. Кафареvуса (гр. «καθαρεύουσα», букв. «очищающая») – это язык, формально созданный в конце XVIII – начале XIX века с тем, чтобы стать официальным языком молодого греческого государства. Это был язык, очищенный от иностранных заимствований и включавший многочисленные кальки французских выражений, созданные с опорой на древнегреческую морфологию.

В сущности, нельзя утверждать, что кафареvуса явилась созданием греческих интеллектуалов конца XVIII века. Этот язык явился естественным продолжением и воплощением давней традиции, архаизаторской языковой политики, тенденции к постоянному возврату к эталонным образцам древнегреческого, это книжная форма греческого языка, которая культивировалась на всем протяжении существования Византии и восходит, по всей вероятности, к периоду аттицизма. В период турецкого владычества установка на архаизацию стала единственной надеждой на сохранение идентичности и национальной памяти греков. Не случайно для датировки греческих текстов исследователи часто руководствуются принципом: чем архаичнее текст, тем современнее автор.

Кафареvуса существовала параллельно с димотикой, «народным» языком, явившимся продолжением греческого койне. При этом понятие «кафареvуса» весьма размыто и неопределенно. Три главных прозаика Греции XIX века – Пападиамандис, Визинос и Роидис – писали

¹ Последняя реплика в рассказе Костантиноса Теотокиса, ставшая заголовком рассказа.

² Интересно, что выражение «вниз лицом» встречается в другом стихотворении Ходасевича «Сумерки» (1922), где речь идет об убийстве случайного прохожего.

на кафаревусе, при этом речь идет о трех разных идиолектах, мгновенно опознаваемых и при этом совершенно различных. Фактически каждый литератор, писавший на кафаревусе, создавал свой собственный язык.

На протяжении длительного времени все официальное общение, университетские лекции, академический и юридический дискурс использовали исключительно кафаревусу. Любая рефлексия, рассуждение на абстрактные темы требовали использования кафаревусы. Это создавало странную раздвоенность сознания, когда высокий и низкий, сакральный и профанный, отвлеченный и бытовой дискурсы строго различались.

Решение языкового вопроса определенным образом коррелировало и с политической позицией. Последнее справедливо и для XX века, в доказательство можно привести то, что все прогрессивные правительства от Элефтерия Венизелоса в 1917 году до Андреаса Папандреу поддерживали димотику, в то время как консервативные и реакционные режимы (с единственным исключением – правительства Иоанниса Метаксаса, но об этом речь пойдет ниже) выступали против включения димотики в систему образования.

Вплоть до утверждения димотики в качестве государственного языка Греции кафаревуса служила для выражения консервативных идей правой партии, в то время как «левое» движение требовало языковой демократизации. Это привело к тому, что в 1950–1970-х годах языковой стиль стал четко ассоциироваться с политическими взглядами и служил маркером отдельных групп единомышленников.

История введения преподавания на димотике правительством диктатора Метаксаса удивительна и достойна изложения. Впрочем, при ближайшем рассмотрении эта история идеально соответствует идеологической канве греческого языкового вопроса. В октябре 1936 года министр образования диктаторского правительства Метаксаса Константинос Георгакопулос разослал циркуляр по школам, утверждая, что сторонники димотики являются противниками национальной идеи. Реформы в системе образования интерпретировались им как попытка насаждения коммунизма. Последнее никого не удивило, поскольку все консервативные партии в Греции всегда поддерживали кафаревусу. Но диктатор занял совершенно неожиданную позицию применительно к димотике. Через месяц после своего прихода к власти он заявил в интервью, данном им газете, что димотикизм был чисто национальным явлением, он не имеет ничего общего с коммунизмом. Затем после отставки Георгакопулоса Метаксас назначил себя министром образования (1938–1941), и, хотя сам он всегда использовал в официальных речах кафаревусу и никогда не рассматривал перспективу превращения димотики в официальный язык государства, он немедленно учредил комитет, в который ввел Манолиса Триандафиллидиса и поручил ему составление современной грамматики новогреческого языка. Грамматика была напечатана в июне 1941 года. Метаксас даже написал введение к грамматике, в котором он утверждает, что грамматические правила привнесут в общее состояние вещей порядок и дисциплину, которых так не хватает грекам, и позволит им урезать их чрезмерно развитый индивидуализм. В свете последних событий сложно не изумиться проницательности Метаксаса. Но, как показывает практика, попытка свести греческий язык к кодифицированной «строгой» димотике явилась утопией, совершенно в духе Просвещения. Дух греческой вольности оказался весьма трудно обуздать – особенно в его языковом воплощении.

Тем не менее следует отметить, что часто называемая «государственной грамматикой» или «официальной грамматикой» грамматика Триандафиллидиса до сих пор является самым авторитетным справочником по современной грамматике новогреческого языка. При этом Триандафиллидис очень определенно утверждал, что не ставит себе целью описать разговорный язык. Речь в данном случае идет о прескриптивной грамматике, которая основана на языке народных песен и подвергает этот язык стандартизации.

Отмена кафаревусы как официального языка в 1976 году и прекращение преподавания древнегреческого в школе привели к абсурдной ситуации – для современных молодых людей в

Греции тексты, включенные в сборник, являются в определенной степени недоступными (многие из них, как было отмечено выше, переведены на димотику). Это поистине драматическая коллизия: представим себе ситуацию, если бы современный носитель русского был не в состоянии понимать язык Пушкина, Лескова, Толстого и Достоевского.

Однако ситуация с кафаревусой, на которой писали выдающиеся литераторы XIX века, гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд. На протяжении столетий византийские интеллектуалы, а затем их потомки и преемники, жившие уже в Османской империи, прежде всего воспринимали писание по-гречески как экзерсис, риторическое и стилистическое упражнение, заботясь прежде всего о грамматической правильности и верности древнегреческим эталонам. В их невероятно сложных и грамматически совершенных текстах отсутствует спонтанность и элемент импровизации.

При первом же приближении к текстам, представленным в сборнике, становится очевидна поразительная языковая свобода и раскрепощенность авторов. Языковая свобода коррелирует со свободой идеологической – не случайно именно сегодня греческая проза XIX века снова «входит в моду», становится объектом пристального внимания литературоведов, филологов и прочитывается заново. Это по-настоящему модернистская проза, ее новаторство является совершенно естественным и спонтанным.

Тексты, входящие в сборник, не вполне однородны: несмотря на идею создания очищенного от заимствований, совершенного языка, каждый из писателей, представленных в данном сборнике, пользуется собственным языком, смешивающим «высокую кафаревусу», авторскую игру слов и различные языковые стили.

Таким образом, перед переводчиком стояла чрезвычайно сложная, почти нерешаемая задача – дать читателю почувствовать ритм, фактуру и атмосферу этой насыщенной прозы, где язык, собственно, является главным действующим лицом. Основным аргументом противников возможности адекватного перевода является постулат о невозможности перевести культурный контекст: случай греческой прозы XIX века – максимально сложный с этой точки зрения.

Вторая половина XIX века – весьма запутанный, драматический и интересный период истории Новой Греции. В 1821 году произошла греческая революция, позади осталась мрачная эпоха туркокрации. Происходит становление греческой государственности и напряженные поиски национальной идентичности.

«We are all Greeks» («Мы все греки»), – писал Перси Биши Шелли, боготворивший античную Грецию. Не вполне ясно, имел ли он при этом в виду своих современников, говоривших по-гречески. Скорее всего, не имел. В век Просвещения эту фразу могли повторить за ним многие европейцы.

Всеобщее преклонение перед идеалами Древней Греции ставило перед потомками греков сложную, почти нерешаемую задачу – сохранить неизменным язык, который по определению должен меняться вместе с обществом. Сложность греческой языковой ситуации, раздвоенность языкового сознания греков, диглоссия и полиглоссия – все это (и многое другое) явилось следствием того, что греки очень рано – уже в V веке до н. э. – осознали эталонную значимость своих текстов, стали воспринимать кодифицированную норму как национальное достояние.

Очевидно, что идея о преемственности греческой культуры, о том, что новые греки действительно являются наследниками тех, великих, далеко не всем кажется бесспорной. Многие утверждают (и не без оснований), что античное наследие было получено греками ready-made в виде готового пакета в эпоху Просвещения, из рук Европы и, в отличие от европейцев, им не нужно было прилагать усилий, чтобы переработать и адаптировать для восприятия это наследие.

Действительно, многое о своем античном прошлом греки стали узнавать в эпоху Просвещения после длительного и тягостного периода туркокрации. Сейчас нам известно, что даже о своих народных песнях они стали задумываться после выхода в свет народных греческих песен, собранных и изданных замечательным французским романистом, историком и фольклористом Клодом Форе́лем. И тем не менее из рук Европы греки получили в XVIII–XIX веках, возможно, и забытое – но *свое*.

В этом отношении тексты, собранные в данном сборнике, очень показательны. Представлены все слои греческого общества – от аристократа Теотокиса до разночинца Визииноса. Но для всех этих писателей характерна ярчайшая индивидуальность и абсолютная свобода: спонтанность, суровый дарвинизм в сочетании с элементами магического реализма (в прозе Пападиамандиса), космополитизм и новаторство (у Мицакиса), психологизм и терапевтическая авторефлексия у Визииноса, обостренное чувство социальной несправедливости Вутираса и его фантастический дар рассказчика, эпическая интонация Теотокиса, вырастающая из народных песен.

Авторы, представленные в сборнике, категорически не похожи между собой, однако их объединяет одна общая черта: они свободны от мучительного сопоставления себя с Древней Грецией, не рефлексиируют по поводу античного наследия и древнегреческой мифологии, не пытаются уложить свое творчество в прокрустово ложе архаизаторства. Прямых отсылок к античности в этих текстах нет, и это не случайно. Авторам не нужно обосновывать и доказывать свою «греческость». И именно поэтому поразительная героиня Пападиамандиса, кажется, восстанавливает своим существованием какие-то еще догреческие балканские архетипы, неуловимо напоминая нам о Мееде.

Мы надеемся, что эта прекрасная и неожиданная проза придет к своему читателю и продолжит существование на русском языке, изменяя литературный ландшафт нашего отечества.

Ф. А. Елова

Александрос Пападиамандис

Биография писателя

Александрос Пападиамандис родился в 1851 году на острове Скиатос, в западной части Эгейского моря, в обедневшей семье потомственных священников. В семье было трое сыновей и четыре дочери, своим не вышедшим замуж сестрам Пападиамандис помогал всю жизнь, очень рано научившись сочувствовать страданиям женщин и их тяжелой судьбе.

В раннем детстве Пападиамандис стал петь в церковном хоре, прекрасно знал церковную литургию, в детстве пробовал писать иконы – глубокая вовлеченность в церковную обрядность будет сопровождать писателя всю жизнь. В школе он учился с большими перерывами, семья бедствовала, и мальчик должен был помогать отцу. В 1872 году Александрос едет на Афон, где на протяжении восьми месяцев остается послушником. Однако, решив, что «не достоин ангельского чина», он возвращается в мир, поступая в Афинский университет.

В это же время он начинает активно заниматься журналистикой и литературными переводами (в университете он увлеченно учит английский и французский). Знакомство с известным издателем Власисом Гаврилидисом увеличило его заработки. Тем не менее в жизни писателя мало что изменилось: всю жизнь его сопровождала бедность; казалось, что первого числа каждого месяца, получив гонорары, он делал все возможное, чтобы от них избавиться – отсылал значительную часть на Скиатос, просто раздавал, отдавал долги – и оставался почти нищим, «монахом в миру», как он сам себя называл. Он писал свои рассказы и заметки на краешке стола в таверне, носил одну и ту же одежду, почти что живописные лохмотья – на фотографиях поражает сходство Пападиамандиса с Верленом. Такой образ жизни он вел на протяжении многих лет, он очень мало общался с людьми (хотя довольно рано сформировался круг людей, близких к нему и восхищавшихся его творчеством, в который входили известные литераторы и издатели), очень много писал, не успевая выполнять заказы, и в конце жизни много пил.

В 1908 году Пападиамандис возвращается на Скиатос, в 1911-м умирает.

На Скиатосе он продолжает писать, последние рассказы написаны на димотике.

«Убивица» («Φόνισσα») – главное произведение Пападиамандиса

«Убивица»³ – одно из самых знаменитых произведений греческой литературы и безусловно самая известная повесть Пападиамандиса.

Сюжет повести поражает – главная героиня, мудрая, разумная, физически сильная и ловкая, как бы вышедшая из «Материнского права» Бахофена Хадула, или Франгоянну, занимается врачеванием и помогает женщинам всего острова при родах и в иных ситуациях. Она преданная мать и рачительная хозяйка. Повесть начинается со сцены, когда глубокой ночью, укачивая новорожденную болезненную внучку, старуха размышляет о беспросветности женской жизни и о том, что рождение девочек, которым нужно собирать приданое, делает жизнь семьи совершенно невыносимой. Внезапно она душил свою внучку. Эта сцена отчасти напоминает рассказ Чехова «Спать хочется» с той разницей, что размышления Хадулы, приводящие к преступлению, основаны на выверенных и точных социологических наблюдениях. Это не спонтанное действие, а результат логической операции. Далее на всем протяжении романа Франгоянну продолжает убивать девочек, хладнокровно и методично.

При этом она действует совершенно бескорыстно и убеждена, что зло творится во благо людей и оправдано высшим судом. В описании убийств девочек, которые осуществляет Хадула, есть элементы натурализма, читатель понимает, что имеет дело с серийным убийцей.

Тем не менее при чтении повести возникает странное чувство, которое усугубляется по мере развития сюжета. Не возникает сомнений, что автор сочувствует своей героине и, возможно, отчасти побаивается ее. Пападиамандису вполне удастся сделать жертвой эмпатии и читателя, который с ужасом следит за действиями Хадулы, но одновременно опасается, что она будет схвачена.

Описывая родной Скиатос, Пападиамандис, вслед за Прустом с его Комбре и Фолкнэром с его Йокнапатофой, создает свой собственный мир, наслаждаясь каждой деталью: холмы, зеленые лощины, таинственные овраги, морские берега наполняют его страницы, однако этот мир не выдуманный, а совершенно реальный. Кажется, что автору важно, чтобы тот Скиатос, который он помнит, существовал вечно на страницах его книг.

Проза Пападиамандиса глубоко этнографична, в первом же предложении повести он неожиданно упоминает о местном названии приступки у камина, «фугоподаро», описывая дремлющую возле больной новорожденной внучки Франгоянну. Это очень характерный прием, который не зависит от напряженности повествования. Кажется, что Пападиамандис наслаждается диалектизмами и этнографическими деталями.

Принято считать, что с прозой Пападиамандиса на смену романтизму приходит реалистическое направление. Но это не вполне так. Творчество Пападиамандиса глубоко сюрреалистично и включает элементы магического реализма, что местами напоминает произведения латиноамериканских писателей – Маркеса и Кортасара. Безусловно, эта писательская манера сочетает в себе и архаизаторство, и новаторство, если воспользоваться терминологией Тынянова. Пападиамандис прекрасно осведомлен о том, что происходит в современной ему европейской литературе. Но с другой стороны, в его сознании звучат псалмы и демолические народные песни.

³ Перевод названия на русский язык был сопряжен с определенными трудностями: «φόνισσα» («убийца») по-гречески слово женского рода, при этом существует противопоставление со словом «φονέας» («убийца») мужского рода.

«Пападиамандис – Достоевский греческой литературы». «Апории» Пападиамандиса

«Пападиамандис – Достоевский греческой литературы» – это сравнение принадлежит выдающемуся греческому поэту Костису Паламасу; сегодня оно воспринимается как отчасти стертое клише. Оппоненты утверждают: единственное, что оправдывает такое сравнение, – это некоторое сходство тем и мотивов повести «Убивица» и романа «Преступление и наказание».

В 1889 году Пападиамандис переводит с французского языка «Преступление и наказание»: итальянскому исследователю Маттео Миано принадлежит ряд статей о Пападиамандисе как переводчике. В этих статьях Миано убедительно показывает, что пассажи, переведенные Пападиамандисом, ближе к Достоевскому, чем к французскому тексту-посреднику. Последнее он объясняет не метафизикой, а реальными схождениями автора и переводчика.

Роман «Преступление и наказание» был опубликован в России в 1866 году, переведен Пападиамандисом и увидел свет в Греции в 1889-м, повесть «Убивица» издана в Греции в 1903-м. Совершенно очевидно, что повесть написана под влиянием «Преступления и наказания», но отличий здесь, как кажется, больше, чем совпадений. Тем не менее сопоставление с романом Достоевского повести Пападиамандиса может быть оправданным – работает эффект острашения. При приближении к творчеству Пападиамандиса выявляются противоречия, которые можно назвать «апориями» Пападиамандиса – диаметрально противоположные суждения критиков и читателей – разные мифологии, связанные с писателем.

1. Александрос Пападиамандис воспринимается сегодня в Греции как один из самых выдающихся греческих прозаиков. Однако за границами Греции писатель практически неизвестен.

Первый роман «Переселенка» был напечатан в 1879 году, но известность пришла к писателю после короткого рассказа «Христов хлеб». При жизни гораздо большей популярностью пользовался его троюродный брат, писатель Александрос Мораитидис.

В настоящее время становится очевидным, что слава Пападиамандиса только растет – сегодня это знаменитый в Греции писатель, окруженный магическим ореолом. Критики и читателя спорят о нем с все большей страстью, при этом при чтении критических работ часто возникает сомнение, что многие авторы, воспевающие патриархальность и глубокую религиозность, кротость и смирение автора, действительно прочли его тексты. Точнее, прочли до конца. Ниже будет сделана попытка пояснить эту мысль.

2. «Гениальность Достоевского не вызывает сомнения у читающей публики всего мира. Достоевский был неповторим. Ни его духовные искания, ни его “средства передвижения” не предполагали никакой возможности повторения», – писал в своем эссе о русской прозе Иосиф Бродский⁴. У читателя может возникнуть ощущение, что он не понимает Достоевского, но сомнения в его величии не возникает. С Пападиамандисом дело обстоит гораздо сложнее. Его творчество рождает совершенно противоположные точки зрения: от мнения, что Пападиамандис – величайший писатель Греции, до полного неприятия его творчества. Так, замечательный литературный критик, написавший одну из самых известных на сегодняшний день историй греческого языка, К. Димарас сказал по поводу Пападиамандиса буквально следующее: «Пападиамандис легко читается теми, кто не привык к высокой литературе, он не требует никакой предварительной подготовки. Бедность выражений принимается за лаконичность, претенциозность за изысканность, игра слов за духовность»⁵.

⁴ Бродский И. Катастрофы в воздухе. СПб., 2006. С. 55.

⁵ Dimaras K. Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας, Αθήνα, 2000. Σελ. 234.

Однако сегодня Пападиамандис представляется одним из самых сложных для восприятия писателей Греции, а его поэтичность может быть поставлена в один ряд с Соломосом и Элитисом, посвятившим ему восторженное эссе «Магия Пападиамандиса».

3. Пападиамандис происходит из традиционной православной семьи, бедного островного клира⁶. Его проза представляет собой идеальное воплощение незамутненной и ясной православной идеи. Оппоненты этого мнения утверждают, что проза Пападиамандиса содержит огромное количество языческих и мистических элементов. Творчество писателя предоставляет критикам широкие возможности фрейдистских толкований. Кроме того, многие произведения пронизаны идеями дарвинизма и натуралистической школы. Часто говорят о том, что аскетизм писателя (он никогда не был женат и жил в бедности) явился абсолютно вынужденным – всю жизнь он должен был содержать незамужних сестер и очень сильно страдал от бедности. Пападиамандис стал первым писателем в истории Греции, жившим на литературный заработок. Он писал за деньги, страшно спешил и практически никогда не правил свои сочинения – последнее очень напоминает стиль работы Достоевского. Очевидно, что спешка во многом определила неповторимый стиль обоих авторов. Под конец жизни Пападиамандис не мог больше справиться с тяготами жизни и начал пить.

4. Пападиамандис – самый греческий из греческих авторов. Сторонники этой точки зрения признают факт мистической и языческой окрашенности его творчества, но постулируют его абсолютную оригинальность, аутентичность и полную независимость от европейской традиции. Оппоненты данной точки зрения справедливо утверждают, что Пападиамандис вошел в греческую литературу как переводчик (занимаясь поденным литературным трудом), у него было прекрасное европейское образование, он переводил с французского и английского и умер с томиком Шекспира в руках. Сильное влияние на него оказали Диккенс, Эдгар По, Достоевский и Верлен (многие, лично знавшие Пападиамандиса, отмечали его портретное сходство с Верленом).

⁶ Этим Пападиамандис отчасти напоминает Лескова, что в какой-то степени выражается и на языковом уровне.

Проблема перевода повести и греческий «языковой вопрос»

Повесть «Убивница» переведена на многие европейские языки. Переводчики сразу сталкиваются со сложностью перевода греческого заголовка (см. сноску 1). В греческом слове «φόνισσα» звучит патетика древнегреческой трагедии, почти отсылка к «Медее» Еврипида, что сложно передается в переводе на другие языки.

Дальше всего, как кажется, в переводе заголовка отстывает от оригинала тонкий исследователь и прекрасный знаток Пападиамандиса Ги Сонье, ср. *Les Petites Filles et la Mort* «Девочки и смерть» (букв. «Маленькие девочки и смерть»)⁷.

Звучание заголовка сразу погружает нас в зловещую атмосферу женского мира Пападиамандиса.

Сонье отмечает в своих комментариях к переводу о том, что французский язык оказался совершенно не приспособленным к передаче всей мощи регистров того удивительного языка, на котором пишет Пападиамандис. Он сложнейшим образом переплетает высокую кафаревусу, описывая магическую красоту природы Скиафоса, народный говор острова, разговорную кафаревусу, на которой общались представители бедного клира, – при этом он, очевидно, совершенно не задумывается, в отличие от своих современников, о проблеме языкового выбора. Язык его свободно льется, что, в частности, обусловлено спешкой (как и в случае Достоевского).

⁷ Важно, что слово «смерть» во французском языке женского рода.

«Убивица» как социологическая повесть

Некоторыми критиками произведение Пападиамандиса воспринимается прежде всего как социальный роман. В своей повести автор поразительно точно описал ситуацию, царившую в его время на Скиатосе: работать приходилось в основном женщинам, в то время как мужчины стремились эмигрировать (что также отображено в «Убивице», вспомним сыновей Франгоянну).

Пападиамандис был очень хорошо осведомлен о жизни традиционного общества в целом и о положении в нем женщин, а также знал о том, что в 1836 году жители острова Скопелос требовали упразднить приданое, так как вокруг при загадочных обстоятельствах гибли маленькие девочки (видимо, матери, будучи не в состоянии обеспечить своих дочерей приданым, убивали их). Писатель прекрасно знал посвященные этой теме народные песни, где часто встречается утешительная присказка, которой было принято утешать мать, лишившуюся дочери: «Тебе повезло, что ты выдала ее замуж всего с одним куском ткани»⁸.

⁸ Речь идет о саване.

Ономастика повести

Интересна ономастика повести: имя главной героини символизирует некую раздвоенность. С одной стороны, имя, которое ей было дано при крещении, – Χαδούλα (Хадула). В корне этого имени многие усматривают слово «χάδι»⁹, что намекает на материнскую ласку, которой была обделена в свое время главная героиня и которую она сама была неспособна дать своим детям и внукам. С другой стороны, по мужу она зовется «η Γιαννού η Φράγκισσα» (Янну Франгисса), то есть супруга Γιάννη του Φράγκου (Янниса Франга), и это, по словам Ги Сонье, «вторжение чего-то ненавистного, чужого»¹⁰. Известно, что франкское, чужеземное начало исторически очень отрицательно воспринимается в греческом мире. Это связано с мрачными воспоминаниями о грабежах крестоносцев, в частности о страшном разграблении Константинополя в 1202 году. Во всем образе главной героини отражается это несоответствие, дисгармония, контраст двух противодействующих направлений. Этот мотив явно присутствует в описании ее внешности: «Хадула, которую также звали Франгоянну или просто Янну, была статной женщиной около шестидесяти лет, с суровыми чертами лица и мужским характером. Над верхней губой у нее виднелись маленькие усики».

Подчеркивается жизненная сила Франгоянну, ее стать, та легкость, с которой она справляется с тяготами жизни. Но положительные качества преданной жены, матери и бабушки внезапно приобретают мрачноватый характер, автор подчеркивает мужеподобность Хадулы, унаследованную ее дочерьми, и ее черные усики, становящиеся в романе таким же метонимическим приемом, как и белые плечи Анны Карениной у Толстого.

Жизнь главной героини полна противоречий. Она все время занималась тем, что помогала людям с помощью трав: с одной стороны, лечила от недугов, а с другой – помогала девушкам избавиться от нежелательного плода, вызывая с помощью народной медицины выкидыш. Самое большое противоречие мы наблюдаем в действиях главной героини: она убивает, но как бы действуя по Божьему указанию. Нарочитая нейтральность авторской интонации, нежелание автора судить свою героиню составляет специфику повести Пападиамандиса и очень сильно отличает ее от романа Достоевского.

Интересно, что внучку и первую жертву Франгоянну звали так же, как и ее, – Хадула. Поэтому многими исследователями было отмечено, что все действия главной героини символически можно представить как самоубийство. Также специально подобраны имена родителей маленькой Хадулы, то есть дочери и зятя Франгоянну. Их зовут Констандис Трахилис (Κωνσταντίνος Τραχήλης) и Дельхаро Трахилена (Δελχάρω Τραχήλαινα)¹¹. В этом, как отмечает Сонье, есть некая предопределенность судьбы их дочери¹².

Одна из форм имени сына Франгоянну – Митрос («Μήτρος»). Сонье усматривает здесь отсылки к Деметре, μητέρα γη, «мать-земля», а также слово «μήτρα», «матка». Это подчеркивает связь Митроса с матерью и напоминает, что он «обладал острым, женским умом, как говорила его мать, “умом, что порождает”»¹³.

Имя матери героини – Дельхаро – составное. Первая часть имени, δελής или ντελής¹⁴, являет ее стремительную, естественную натуру, напористость, символизирует собой сильное природное явление. Вторая часть имени, по мнению Сонье, напоминает излюбленную в народ-

⁹ Букв. «ласка, нежность».

¹⁰ Saunier G. Εώσφορος και άβυσσος. Ο προσωπικός μύθος του Παλαδιαμάντη. Αθήνα, 2001. Σελ. 254.

¹¹ «Τραχήλος» переводится с новогреческого как «шея». Напомним, что первую свою жертву Франгоянну задушила.

¹² Saunier G. Εώσφορος και άβυσσος. Ο προσωπικός μύθος του Παλαδιαμάντη, Αθήνα, 2001. Σελ. 245.

¹³ Там же.

¹⁴ «Сумасшедший, безумный, часто про ветер».

ных песнях игру слов «*χάρος/χαρά*»¹⁵. Значение всего имени «колеблется между насильственной смертью и “дикой радостью”, которую в какой-то момент испытала Франгоянну, пытаясь задушить дочь Янниса Лирингоса»¹⁶.

¹⁵ «Смерть/радость».

¹⁶ *Saunier G* Εδώσφορος και άβυσσος. Ο προσωπικός μύθος του Παλαδιαμάντη, Αθήνα, 2001. Σελ. 251.

Связь автора со своей героиней. Диалектика Франгоянну

Многие исследователи подчеркивают, что в «Убивнице» голоса автора и главной героини иногда сливаются настолько, что читатель не всегда понимает, кому принадлежат формулируемые мысли. Так происходит в следующем пассаже¹⁷: «Что касается младшенькой, Криньо, пусть и ее Бог научит уму-разуму! Как бы там ни было, мать не собирается – у нее просто больше нет сил – так мучиться, чтобы ее сосватать, как она намучилась со старшей дочерью. Но я вас спрашиваю, и впрямь нужно плодить так много девиц? А если они уже родились, стоит ли их растить?»

Осмелимся предположить, что в данном случае наблюдается именно совпадение некоторых идей героини и автора (отметим, что последнее никогда не имеет место в случае романа Достоевского, где автор имплицитно, но очень последовательно выражает свое несогласие с Раскольниковым). Конечно, это не значит, что Пападиамандис до конца оправдывает преступления главной героини, но до определенной степени он разделяет логику ее рассуждений и в форме утрированно зловещего сюжета пытается внушить читателю мысль о трагической безысходности женской доли.

По мнению М. Пери, героиня не является просто «объектом описания и обсуждения», она – «носитель идеологии, самостоятельный субъект»¹⁸. Это похоже на Достоевского, так как главная особенность русского писателя – идеологичность его персонажей: основу образа составляет идея, а человек является носителем не столько поступков, сколько идеи. Или, точнее, идея становится в нем поступком¹⁹.

В повести «Убивница» автор также всеведущ. В отличие от повествователя в «Преступлении и наказании», он выражает свою позицию менее эксплицитно, реже вмешивается в повествование. Рассмотрим несколько примеров, когда это происходит. Первый – в самом начале, еще до первого убийства, совершенного Франгоянну²⁰: «Франгоянну уже несколько дней жадно поджидала, когда у девочки случится судорога – ведь тогда она точно не выживет, но, к счастью, этого не происходило».

Эта поразительная цитата не случайно находится в фокусе внимания исследователей. Еще до совершения всех преступлений автор, играя словами и опираясь на диссонанс «жадно» и «к счастью», уже вступает во внутренний конфликт с героиней и подготавливает читателя к мрачному развитию событий.

В том же ракурсе очень интересен следующий эпизод с Ксенулой. Когда будто бы благодаря пожеланию Франгоянну девочка падает в колодезь, мы читаем следующее²¹: «Неужели Господь (она правда посмела такое подумать?) услышал ее пожелание, и ей даже не пришлось прикладывать рук, всего-то достаточно пожелать – и ее желание будет услышано».

На наш взгляд, очевидно, что в скобках ремарка автора, ужасающегося логике своей героини. Хотя существует другое мнение, что это косвенная речь самой героини и так выражается ее религиозный страх перед тем, что она делает. С точки зрения таких исследователей, которые решительно не хотят признать того, что Пападиамандис отчасти разделяет идеологию своей макабрической героини, это первое проявление совести, которая потом будет мучить старуху кошмарами и галлюцинациями. Подобная позиция кажется нам неоправданной, создается впечатление, что критики боятся объективно оценить диалектику взаимоотношения автора и геро-

¹⁷ Παλαδιαάντης Α. Φόνισσα. Αθήνα, 1989. Τ. 3. Σελ. 441.

¹⁸ Πέρι Μ. «Στην οδό προς τον ελεύθερο πλάγιο λόγο• παρέμβαση, υλοκατάσταση, διαπλοκή», Νράκλειο: 1994. Σ. 60.

¹⁹ Кошкаргов В. Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 130.

²⁰ Παλαδιαάντης Α. Φόνισσα. Αθήνα, 1989. Τ. 3. Σελ. 438.

²¹ Там же. Σελ. 459.

ини. Интересно, что эту же ремарку использует и Сонье, но для доказательства прямо противоположного тезиса. Основываясь на данной цитате, он строит теорию о том, что для автора в «Убивице» главная героиня является чем-то большим, чем просто героиня романа, она не находится под его властью, а сосуществует с ним²². Последнее утверждение, как уже было сказано, применимо и к Достоевскому.

Мысли, что для Пападиамандиса Франгоянну является особенной героиней, Сонье находит два автобиографических подтверждения в самой повести. Первое – это название сосны, под которой спасалась мать главной героини, известная ведьма, и которая, по мнению Е. Али-сидиса, олицетворяя Природу, выстраивает некоторую логическую цепочку воплощения материнского начала (то, что он называет «μητρότητα»). В основании этой цепочки находится сосна семейства Морайтисов («Πεύκος του Μωραΐτη»), а далее идут мать Франгоянну Дельхаро, сама Франгоянну, ее дочери и, возможно, внуки²³. Очень важно, что к роду «Μωραΐτης» принадлежала мать самого Пападиамандиса. По мнению Сонье, тот факт, что в романе в истоках «материнской» генеалогии главной героини находится имя родственника писателя, да еще и по материнской линии, отражает личное отношение автора к Франгоянну.

Второе автобиографическое доказательство того, что Франгоянну чрезвычайно близка писателю, мы находим в словах песенки, которую вспоминает мучимая кошмарами героиня «ωσάν μοιρολόγι» («как причитание»)²⁴.

«Μαννούλα μου, ήθελα να πάω, να φύγω, να μισέψω, τον ριζικού μου από μακριά την πόρτα ν' αγναντέψω. Στο σκοτεινό βασίλειο της Μοίρας να πατήσω, κ' κεί να βρω τη μοίρα μου, και να την ερωτήσω...»

«Мамочка, как бы хотела я скрыться и навсегда убежать и за дверью участи своей изда- лека наблюдать. В темное царство Судьбы ступить и там найти судьбу свою и ее спросить...»

Это отрывок из стихотворения самого Пападиамандиса «К моей матери», в котором прослеживаются проходящие через всю повесть два мотива: связь с матерью и мрак на душе. Конечно, сложно устоять от соблазна отождествить самого писателя с его героиней. Ги Сонье по этому поводу заметил: «Исходя из разных точек зрения, Франгоянну, нравится нам это или нет, ЕСТЬ сам Пападиамандис, возможно, даже больше, чем Флобер – мадам Бовари».

На этом можно было бы поставить точку. Но повесть Пападиамандиса не приемлет окончательных суждений – все в ней открыто. Она продолжает идти к читателю, но окончательно к нему не пришла – неясно, придет ли когда-нибудь. История написания «Убивицы» – это в какой-то степени и история рецепции, история прочтения выдающимся греческим писателем текста Достоевского. И здесь захватывающе интересной становится диалектика взаимоотношения перевода и творчества.

Можно сказать, что гений Достоевского подарил Греции ее самую загадочную и, возможно, лучшую повесть – по крайней мере, явился одним из факторов, приведших в действие спусковой крючок фантазии писателя. Так же, как философские открытия Михаила Бахтина, теория полифонизма и диалогизма стали следствием его прочтения Достоевского. Воистину – неисповедимы пути литературы...

Ф. А. Елоева, А. М. Резникова

²² Saunier G. Εώσφορος και άβυσσος. Ο προσωπικός μύθος του Παπαδιαμάντη, Αθήνα, 2001. Σελ. 249–250.

²³ Ασλανίδης Ε. Γ. Το μητρικό στοιχείο στη «Φόνισσα» του Παπαδιαμάντη Ψυχαναλυτικό δοκίμιο, Αθήνα, 1988, σ. 15.

²⁴ Παπαδιαμάντης Α. Φόνισσα. Αθήνα, 1989. Τ. 3. Σελ. 478.

Убивица

Глава 1

Сомкнув веки и опустив голову на приступок камина, который в народе называют фуго-подаро²⁵, бабка Хадула Франгисса жертвовала своим сном, бодрствуя у колыбели больной внучки. Что до роженицы, матери несчастного младенца, то она недавно заснула на низком топчане.

Подвешенная лампа мерцала у камина. Света от нее не было, она лишь отбрасывала тень на немногочисленную убогую мебель, казавшуюся ночью чище и наряднее. От трех наполовину истлевших головешек и большого бревна камин заполнился пеплом, а пылающие угли да слабо потрескивающий огонь навевали старухе сквозь дремоту образ ее младшей дочери, Криньо. Если бы та сейчас была в комнате, она бы тихо пропела: «Если он друг, да будет он счастлив, если же враг, пусть лопнет...»

Хадула, которую также звали Франгоянну, или просто Янну²⁶, была статной женщиной около шестидесяти лет, с суровыми чертами лица и мужским характером. Над верхней губой у нее виднелись маленькие усики. Размышляя о своей жизни, она приходила к выводу, что не делала ничего иного, как только обслуживала других. Девочкой она обслуживала родителей. Выйдя замуж, стала служанкой собственному мужу, однако благодаря своему характеру и отсутствию оногу у супруга она была ему также опекуной. С рождением детей Хадула превратилась в их рабыню. Когда же дети обзавелись своими детьми, старуха стала заботиться о внуках.

Девочка родилась две недели назад. У ее матери были тяжелые роды. Это она спала на кровати – старшая дочь Франгоянну, Дельхаро Трахилена. Они поторопились крестить ребенка на десятый день, так как девочка тяжело болела: ее мучил кашель, сыпь и периодические судороги. Как только ребенка покрестили, в первый же вечер болезнь как будто отступила, и кашель немного поутих. На протяжении многих ночей Франгоянну не смыкала глаз и, прогоняя дремоту, сидела подле малютки, которая даже не представляла себе, какие страдания она причиняет другим и сколько мучений ее ожидают, если она выживет. И конечно, она не понимала того вопроса, который ее бабка тихо задавала себе: «Господи, зачем и это дитя появилось на свет?»

Старуха убаюкивала девочку и над люлькой бедняжки могла бы сложить песнь о своих страданиях. Прошлой ночью она действительно довела себя до исступления, вспоминая все свои мучения. В виде образов, сцен и видений Хадула представила свою жизнь – напрасную и тяжелую.

Ее отец был бережливым, трудолюбивым и законопослушным. Мать – злобной, богохульной и завистливой. Одной из известных ведьм того времени. Умела колдовать. Пару раз она чуть было не попала в руки клефтам, молодцам Каратассоса, Гацоса и других предводителей Македонии²⁷. Они хотели отомстить ей, потому что она навела на них порчу и дела их шли из

²⁵ Уже в первом предложении повести Пападиамандис приводит редкое слово из местного говора: так проявляется его интерес к этнографии. (Здесь и далее все примечания в художественных произведениях антологии сделаны переводчиком.)

²⁶ Все эти многочисленные прозвища (фамилии) главной героини – Франгисса, Франгоянну, Янну – образованы от имени ее мужа, Янниса (Иоанна) Франга.

²⁷ *Клефты* – так в Греции времен Османской империи называли участников незаконных вооруженных организаций. *Ангелис Гацос* (1771–1839) – известный греческий военачальник, участник Освободительной войны Греции 1821–1829 годов. *Димитриос Каратассос* (1798–1861) – участник греческого освободительного движения XIX века. *Македония* – область в северной Греции.

рук вон плохо. Они три месяца ничем не промышляли, и не было у них удачи в разбое ни у турок, ни у христиан. И даже правительство Коринфа не высылало им никакой помощи.

Они гнались за ней от вершины горы Аи-Танасу до равнины Пророка Ильи, с высокими платанами и обильным источником, и оттуда до Меровили²⁸, что располагался у склона горы, сквозь лесные дебри и заросли кустарников. Она попыталась было укрыться в лесной чаще, но ей не удалось провести преследователей. Шорох кустов, сам ее страх, от которого трепетали листья на ветках, выдали девушку. Она услышала свирепый голос:

– Ну что, девка, вот мы тебя и поймали!

Ведьма выскочила из кустов и понеслась, словно вспугнутая горлица, и ее широкие белые рукава напоминали крылья. Не было никакой надежды на спасение. Хотя, когда за ней охотились в первый раз, ей удалось скрыться где-то под Башней, так как в том месте было очень много тропинок. Здесь, в Меровили, совсем не было ни дорожек, ни лабиринтов, только деревья да непроходимые дебри. Молодая, тогда еще новобрачная, Дельхаро, словно косуля, прыгала босая от куста к кусту, ведь незадолго до этого она сбросила тапки (один подобрал в качестве трофея ее преследователь) и колючки впивались ей в пятки и раздирали до крови стопы и лодыжки. И когда она уже почти отчаялась, у нее появилась идея.

Там, за кустами, на склоне горы, находилась единственная ухоженная оливковая роща, называвшаяся сосной Мораитиса. Старик Мораитис, дед владельца рощи, перебрался в эти места из Мистры²⁹ примерно в конце прошлого века – в эпоху Екатерины Великой и Орлова. Знаменитая сосна стояла посреди рощи словно великан среди лилипутов.

Ствол тысячелетнего дерева, который не могли бы объять и пять мужей, был полым внизу, у корней. Пастухи и рыбаки опустошили его: ради лучин они вынули его сердце и выпотрошили внутренности. Однако даже с такой ужасной раной в своем чреве сосна простояла еще три четверти века, до июля 1871 года, когда местные жители на расстоянии многих верст, у моря, почувствовали сильный подземный толчок. В ту же ночь гигант рухнул.

В этом углублении, где спокойно могли разместиться двое людей, и поспешила схорониться Дельхаро. Только отчаявшийся человек решился бы на подобное: спрятаться как будто понарошку, словно ребенок, играющий в прятки. Конечно же, сзади преследователям ее не обнаружить, но спереди-то она была у них на виду! Если бы трое клефтов обошли сосну, то заметили бы, как Дельхаро застыла внутри дерева.

Но трое мужчин пробежали мимо. Двое из них даже не обернулись, думали, что «девка» помчалась вперед. И лишь третий нервно оглянулся в последний момент и посмотрел тут и там, только на ствол сосны не взглянул. Он обвел ее взглядом вместе с другими деревьями, не догадываясь, что внутри ствола есть дупло, где прячется человек. Да даже если бы он и знал об этом дупле, в тот момент ему и в голову не пришло заглянуть туда. Он посмотрел, не разверзлась ли где земля, поглотив ведьму, ведь не было видно никакой дыры, где она могла бы спрятаться. Дриады, лесные нимфы, которых Дельхаро обычно призывала во время колдовства, защитили ее, ослепили гонителей, напустив на них зеленую тьму, и они ее не нашли.

Молодая дева выскользнула из их когтей и спаслась. И всю свою жизнь она продолжала наводить порчу на клефтов – так что их работа совсем разладилась и они больше не учиняли разбоев, до тех пор пока с Божьей помощью не наступил мир и султан Махмуд даровал Греции так называемые Чертовы острова³⁰, переставшие быть беспризорными. Грабеж сменился

²⁸ Здесь и далее упоминаются топонимы острова Скиатос, где происходит действие повести.

²⁹ Мистра – средневековый город в Греции, близ г. Спарта, один из важнейших культурных и политических центров поздней Византии.

³⁰ *Махмуд II* (1785–1839) – 30-й османский султан, правивший с 1808 по 1839 год. Во время его правления в Греции началось освободительное движение. *Чертовы острова* (греч. Διαβολονήσια) – острова в Эгейском море (в том числе остров Скиатос), которые были пристанищем пиратов до 1830-х годов, когда они отошли Греции.

налогообложением, и весь избранный народ стал работать на огромный главный рот-желудок, не имеющий ушей.

Хадула Франгисса родилась в то время и помнила все, что впоследствии рассказывала ей мать. Позже, когда она подросла и ей исполнилось пятнадцать лет, при правлении Каподистрии³¹ наступило мирное время, и родители сосватали ее за Янниса Франга, которого она позже назвала Колпаком и Счетом.

Хадула не случайно дала эти два прозвища своему супругу. Колпаком она его нарекла еще до замужества, подтрунивая над ним с девичьим лукавством и не думая о том, что он станет ее суженым: вместо фески юноша носил что-то наподобие колпака, пепельно-красного цвета, с длинной кисточкой. Счетом она прозвала его позже, после свадьбы, так как он любил повторять фразу «Таков вышел счет», притом что сам был не в состоянии ни сложить небольшую сумму, ни посчитать две поденные оплаты. Если б не Хадула, то его бы обсчитывали каждый день. Ему бы никогда не оплачивали по-честному его труд на кораблях, на верфи или в шлюпочной мастерской, где он работал плотником и конопатчиком.

Яннис долгое время был подмастерьем ее отца, занимаясь тем же ремеслом. Увидев, насколько тот бесхитростен, неприхотлив и скромн, старик начал ценить своего ученика и решил женить его на своей дочери. В качестве приданого молодым достался ветхий заброшенный домик в старой Крепости, где какое-то время до революции 1821 года жили люди, а также участок в местечке под названием Бахча, находившемся за опустевшей Крепостью, на обрывистом берегу, в трех часах езды от нынешнего городка. Также он дал им аршин поля размером с носовой платок и еще одно, поросшее бурьяном поле, на которое также претендовал сосед. Другие соседи говорили, что оба поля, из-за которых ссорятся эти двое, присвоены незаконно, они монастырские, то есть принадлежат закрытому монастырю. Такое приданое дал старик Стафарос за своей дочерью. А ведь она была у него одна. Для себя же, своей жены и сына он придержал два недавно построенных дома в новом городе, два виноградника поблизости, две оливковые рощи, несколько пашен и всю скопленную наличность.

Вот о чем вспоминала Франгоянну в ту ночь. Шел одиннадцатый вечер после родов ее дочери. Девочке вновь стало хуже, и она ужасно мучилась. Больной она появилась на свет. Уже из чрева матери боль начала преследовать ее...

В этот момент послышался судорожный кашель и прервал воспоминания старухи. Она приподнялась с убогого тюфяка, на котором лежала, склонилась над ребенком и попыталась помочь ему. Янну поднесла к лампе маленький пузырек и дала младенцу лекарство. Дитя проглотило жидкость и через мгновение срыгнуло.

Роженица начала ворочаться на своей низкой и узкой кровати. Видимо, ей не спалось, и она с закрытыми веками как будто пребывала в полудреме. Девушка открыла глаза и, приподнявшись, спросила:

– Маменька, как она?

– Ну как она может быть? – ответила строго старуха. – Спи давай! Ей что – уже кашлянуть нельзя?

– Тебе-то как кажется, мама?

– Ну что мне может казаться?.. Она ребеночек, младенец... вот, пожалуйста, еще одна появилась на этот свет! – Старуха произнесла это с горечью в голосе.

Вскоре роженица, немного успокоившись, заснула. Старуха перед заутреней ненадолго сомкнула глаза, после того как петух пропел в третий раз. Она проснулась, услышав голос своей дочери, Амерсы, которая жила в соседнем доме – та пришла рано утром справиться о здоровье роженицы и ребенка и о том, как провела ночь их мать.

³¹ *Иоани Каподистрия, граф* (1776–1831) – русский и греческий государственный деятель, министр иностранных дел России (1816–1822) и первый правитель независимой Греции (1827–1831).

Амерса, вторая дочь Франгоянну, осталась незамужней, уже почти старой девой. Домовитая, «хозяйюшка», славная ткачиха, она была очень смуглой, высокой, мужеподобной – и все ее приданое, а вместе с ним свадебные вышивки, работа ее рук, уже много лет хранилось в большом грубом сундуке, где поедалось молью и короедами.

– Доброе утро! Как дела? Как прошла ночь?

– Ах, это ты, Амерса... Ну вот еще одна ночь прошла.

Старуха только проснулась и потирала глаза, бормоча что-то себе под нос. Вдруг послышался шум из-за соседней низкой перегородки. Это был Констандис Трахилис, муж роженицы, спавший за тонкой деревянной стеной рядом с другой девчушкой и маленьким мальчиком. Он только проснулся и стал собирать свои инструменты – тесла, пилы, рубанки, чтобы отправиться в шлюпочную мастерскую, где он работал поденщиком.

– Ты только послушай, какой тарарам он тут устроил! – проворчала старуха. – Вот не может он по-тихому собрать свои железяки. Услышь его кто-нибудь, Бог знает, что подумает!

– «Бедному собраться...» – иронично произнесла Амерса и засмеялась.

Шум от инструментов, которые Констандис где-то там за перегородкой бросал к себе в короб – тесла, пилы, сверла и тому подобное, разбудил роженицу, его жену.

– Мама, что это за шум?

– А ты как думаешь? Это Констандис свои инструменты собирает! – вздохнула старуха.

– «...только подпоясаться», – закончила пословицу Амерса.

Тогда из-за перегородки послышался голос Констандиса.

– Проснулись, мамаша? – спросил он. – Как провели ночь?

– Как, как... Как курица на мельнице, пей свою ракию.

Констандис показался в зимовке. Он был широкогрудый, нескладный – «непутевый», как его называла теща, – и почти лысый. Старуха указала Амерсе на бутылек с ракией, что стоял на полке над камином, и кивнула, чтобы та налила стопку Констандису.

– А инжир есть на закуску? – спросил мужчина, взяв стопку из рук свояченицы.

– Да откуда ж ему взяться?! – проворчала старуха. – Нам бы раздобыть сорок лепешек, – добавила она, подразумевая непредвиденные расходы, случавшиеся обычно в бедных домах, когда на них обрушивается какое-нибудь «счастливое событие» – например, рождение девочки.

– Много хочешь – мало получишь, – сказала Амерса, вспомнив еще одну пословицу.

– Мало вы меня цените, и кривой зять – в радость, – нисколько не растерялся Констандис. – Ну, будем! Чтоб дожила до сорокового дня!

И опустошил залпом стопку ракии.

– До вечера!

Констандис взвалил на себя сумку с инструментами и отправился в мастерскую.

Глава 2

Огонь в камине угасал, лампа мерцала, роженица дремала на своей кровати, в люльке кашлял младенец, и старуха Франгоянну, как и в предыдущие ночи, лежала на матрасе, не смыкая глаз.

Петух пропел первый раз, и вот ей снова, словно видения, стали являться воспоминания. Когда ее выдали замуж, «захомутали», и в качестве приданого отдали ветхий домишко в старой, пустой Крепости, худородный участок в северной дикой глубинке да пашню, на которую также имели притязания сосед и монастырь, она вместе с мужем поселилась в доме вдовы-золовки и разжилась небольшим хозяйством. В ее рядной записи при этом было указано, что за нее отдали столько-то платьев, сорочек, подушек, а также две медные посуды, сковороду, таган и тому подобное. Даже столовые приборы были указаны в записи.

Уже на следующий день после свадьбы ее золовка разобрала все вещи и обнаружила, что из списка не хватает двух простыней, двух подушек, одной медной посуды, а также целого комплекта одежды. В тот же день она потребовала у тещи восполнить недостающее, на что корыстолюбивая старуха ответила: «Что отдала, то отдала, и хватит с вас». Тогда сестра пожаловалась своему брату. И когда он рассказал все своей молодой жене, та ответила: «Если бы ты думал о своей выгоде, то никогда бы не согласился на дом в Крепости, где живут одни призраки. И зачем тебе простыни да сорочки, коли ты не смог вытребовать добротный дом, виноградник и оливковую рощу?»

Пока они еще были помолвлены, Хадула в самом деле попыталась нашептать что-то такое своему жениху. Хотя она и была совсем юной, благодаря своей натуре и примеру матери, вольному и невольному, она сделалась хитра не по годам. Но ее мать, почуяв неладное и испугавшись, что маленькая Ведьма, как она обычно называла свою дочь, надумит жениха потребовать большее приданое, установила суровый надзор над парой, не позволяя им и словом перемолвиться. Она так поступала якобы под предлогом соблюдения морали:

– Я свою вахту не пропущу, а то еще подложит мне ребеночка... маленькая Ведьма! – сказала старуха.

Видите, она использовала слово из профессиональной лексики мужа («вахта» – дежурство на корабле). Но на самом деле она это сделала, чтобы не давать большее приданое.

Однажды вечером, накануне помолвки, жених вместе со своей сестрой пришел к родителям невесты обсудить приданое. Старик-судостроитель диктовал рядную запись чтецу Сивину, певчому из церкви, который, достав из-за пояса бронзовую чернильницу, а из длинного, похожего на кобуру футляра – гусиное перо, и разместив на коленях Деяния апостолов и кусок плотной бумаги поверх книги, начал писать под диктовку старика: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... я выдаю свою дочь Хадулу за Иоанна Франга и даю ей, во-первых, свое благословение...» Хадула все это время стояла напротив очага, рядом с грудой одежды – там, где высилась гора из одеял, покрывал, подушек, покрытая сверху шелковой простыней и увенчанная двумя огромными подушками, – неподвижная и величественная, как та гора. При этом она беспокойно и очень осторожно посылала тайные знаки жениху и его сестре, чтобы те не соглашались на «дом в Крепости» и «пашню в Стивото» в качестве приданого, а запросили дом в новом городе, а также виноградник и оливковую рощу поблизости.

Напрасно. Ни жених, ни его сестра не заметили этих отчаянных жестов. Зато старуха, ее мать, хоть из вежливости и стояла лицом к будущим родственникам, все же находилась вполоборота к дочери, и вдруг как будто кто-то сообщил ей, что что-то неладно, она резко повернулась к ней и все увидела.

Старуха бросила на дочь взгляд, полный угрозы:

– Ах ты, маленькая ведьма! – прошипела она сквозь зубы. – Ну, погоди у меня! Я-то тебе устрою!

Но тут же осеклась, подумав, что не стоит угрожать дочери. Она испугалась, что та нажалуется отцу, и тогда станет только хуже. Старик, скорее всего, уступит мольбам единственной дочери и даст за ней большее приданое. Посему она замолчала. А Хадула недоумевала, почему, когда они остались наедине, ее мать, подававшая ей до этого знаки, в первый раз в жизни не стала ни кусать, ни щипать, ни царапать свою дочь, что она делала постоянно.

Стоит заметить, что дом в старой, ненаселенной деревне казался разумным приданым, ведь в Крепости еще оставались дома и некоторые семьи проводили там лето и до сих пор верили в «старую деревню» – идею, которую выдумали старики. Они не могли привыкнуть ни к новому порядку вещей, ни к мирной жизни без налетов разбойников, пиратов и турецкой армии, и им казалось, что проживание в новом городе временно и что скоро люди вновь поспешат вернуться к своим старым, знакомым домам. И хотя все вспоминали Крепость и скучали,

мечтали и говорили о ней, но не переставали строить дома в новом поселении, что в тысячный раз доказывает: люди говорят одно, делают другое и невольно подражают друг другу.

Итак, через две недели после помолвки справили свадьбу. Так распорядилась теща. Ей, мол, не нравилось, что жених заходит к ним домой, как он это привык делать, будучи подмастерьем и учеником ее мужа. И вот пожилая сестра, сама вдова с двумя сыновьями (один, подросток, также работал на верфи) и маленькой дочерью, приняла в свой дом новую семейную чету. Через год родился первый ребенок, Стафис, за ним Дельхаро, потом Ялис, Михалис, Амерса, Димитрис и последней Криньо.

Поначалу казалось, что в доме царит мир. Затем, когда стали подрастать старшие дети невестки, а двое детей золовки уже были достаточно взрослыми, в доме разразилась война. Тогда Франгоянну, которая, повзрослев, приобрела опыт и стала гораздо мудрее, удостоилась, как она сама скромно говорила, собственного дома благодаря своей сноровке и бережливости.

В первый год она смогла построить только четыре глинобитные стены да крышу. На второй год «замостила» три четверти дома, то есть положила пол разнородными досками – старыми вперемешку с новыми, и, не теряя времени, в предвкушении, когда же она наконец «высвободится» от деспотичной золовки, которая с годами вела себя все более странно, собрала пожитки и вместе с мужем и детьми переселилась в свой «уголок», в свое «гнездо», на свой кусочек земли. В тот день, по ее словам, она испытала самую большую радость за всю свою «жизнь».

Франгоянну как будто заново переживала все те события во время долгих бессонных январских ночей, когда за окном время от времени свистел северный ветер, стуча по кровле и в окна, и она не смыкала глаз подле люльки своей маленькой внучки. Было три часа ночи, и петух снова пропел. Девочка, ненадолго успокоившись, начала кашлять с новой силой. Больной появилась она на свет, к тому же, видимо, простыла на третий день, когда ее купали в корыте, и подхватила ужасный кашель. Франгоянну уже несколько дней жадно поджидала, когда у девочки случится судорога – ведь тогда она точно не выживет, но, к счастью, этого не происходило. «Она сама будет мучиться и нас будет мучить», – сказала старуха сама себе так тихо, что никто не услышал.

Тут Франгоянну приоткрыла воспаленные от бессонницы глаза и покачала люльку. Тогда же она потянулась за микстурой, чтобы дать ее больному ребенку.

– Кто это кашляет? – послышался голос из-за перегородки.

Старуха ничего не ответила. Был вечер субботы, и ее зять перед ужином выпил на одну стопку ракии больше. Еще одну он выпил после ужина, а затем стакан вина, чтобы отдохнуть от работы, проделанной за всю неделю. И вот выпивший Констандис разговаривал или даже бредил во сне.

Ребенок не проглотил микстуру, но в очередном приступе кашля, который стал только хуже, вытолкнул ее своим язычком.

– Заткнись! – закричал сквозь сон Констандис.

– Ну, этого тебе не дожидаться, – иронично ответила Франгоянну.

Роженица резко проснулась – то ли от кашля младенца, то ли от странного короткого диалога между спящим мужем и бодрствующей матерью.

– Маменька, что случилось? – спросила Дельхаро, приподнявшись. – Что-то с ребеночком?

Старуха зловеще улынулась в мерцающем свете лампы.

– Ах, если бы, дочка!..

Это «ах, если бы, дочка» она произнесла очень странным тоном. Не в первый раз Дельхаро слышала подобное от своей матери. Случалось и раньше, что старуха, выразительно покачивая головой, высказывала нечто подобное, когда в разговоре с соседками заходила речь о большом количестве девочек, о дефиците женихов и их высоких запросах, о чужбине и о

том, сколько всего претерпевает женщина, пытаясь пристроить «слабый пол», то есть выдать замуж своих дочек. Каждый раз, когда ее мать слышала о болезни очередной девочки, она, покачивая головой, говорила:

– Ах, если бы, соседка! Ежели Харос³² хочет забрать их, надо помочь ему, – она имела обыкновение выражаться пословицами. Один раз Дельхаро слышала, как мать кому-то сказала: «Невыгодно плодить так много девочек, да и вообще лучше им не выходить замуж». А ее обычным пожеланием маленьким девочкам было: «Не дай Бог им вырасти! Не дай Бог повзрослеть!»

Однажды она даже произнесла следующее:

– Ну что я могу сказать! Если рождается девочка, так и хочется придушить ее!

И хотя старуха действительно так сказала, она не была способна на что-то подобное... Она сама в это не верила.

Глава 3

...Прошло много ночей с того дня, как родила Дельхаро Трахилена. Ребенка окрестили и назвали Хадулой в честь бабушки, которая, услышав это, поморщилась и, покачав головой, спросила: «Зачем? Боятся, как бы имя не затерялось?» И вот старуха вновь не спала, хотя казалось, что ее внучке стало лучше. К тому же бессонница была естественным состоянием для Франгоянну – размышляя о тысяче вещей, она всегда засыпала с трудом. Размышления и воспоминания, туманные образы прошлого, вырастали, словно волны, один за другим перед глазами ее души.

Итак, Франгоянну нарожала детей и выстроила для своей семьи маленький домик. И чем больше становилась семья, тем горше им жилось. Да, она построила дом благодаря собственной бережливости, а не за счет сбережений своего мужа. И в самом деле, мастер Яннис Колпак, или Счет, не умел правильно считать деньги: ни сколько поденной оплаты он заработал, ни сколько он получит за четыре, пять или шесть дней, если в день, как плотник третьего разряда, он получал 1,75 или 1,80 драхмы. Когда он порой работал конопатчиком и его поденная оплата была 2,35 или 2,40 драхмы, он, опять же, не мог сосчитать, сколько ему причиталось.

Что он по-настоящему умел, так это по воскресеньям пропивать свою зарплату, практически все до последней лепты³³. Но, к счастью, его супруга приняла меры и стала забирать его выручку вечером в субботу. Или же получала ее прямо из рук прораба, конечно не без трудностей и ругани, так как прораб предпочитал отдавать деньги самому мастеру Яннису, придерживая, как он поступал и с другими, десять-пятнадцать лепт в качестве «экстренной помощи», приговаривая: «У меня же дочери, друг, у меня дочки!» Но Франгоянну не проведешь! Она в ответ задавала резонный вопрос: «Только ты, что ли, дочек растишь, мастер? У других, по-твоему, их нет?»

А когда у нее не получалось самой забрать зарплату у прораба на верфи, она выхватывала деньги из рук своего супруга как бы в шутку, «приласкав» его перед этим и приведя в подходящее душевное состояние. Или же она позволяла ему, полупьяному, уснуть и забирала деньги из кармана. В воскресенье утром она давала ему сорок или пятьдесят лепт «на карманные расходы».

Итак, Хадула построила дом благодаря своей бережливости, но что послужило основой ее небольшому капиталу? В этот час, во время бессонной ночи, она впервые призналась себе. Старуха даже своему духовнику никогда не рассказывала, хотя, надо сказать, она вообще много чего от него утаивала. Она признавалась ему только в тех обычных грешках, о которых он и

³² Древнегреческий Харон в народной традиции превратился в Хароса, который забирает души.

³³ Лепта – денежная единица в Греции (вплоть до 2002 года), 1/100 драхмы.

без того знал: злословие, гнев, женские проклятия и тому подобное. Своей матери, пока та была жива, Хадула также ничего не говорила. Однако мать была единственной, кто подозревала дочь, и догадывалась, в чем дело. Хадула действительно намеревалась рассказать все старухе перед ее смертью. Однако перед тем, как отойти к праотцам, она стала немой, глухой и лишилась всех чувств, словно «вещь», как описывала тогда ее состояние дочь, и Янну не представилось возможности покаяться в своем грехе. Отцу и мужу она и подавно не раскрыла свой секрет. А он заключался в следующем. До замужества Хадула начала подворовывать деньги у отца: то несколько пара тут, то полкуруша³⁴ там. Так мало, что он ничего не замечал и ни в чем не подозревал ее. Всего два раза ему случалось обнаружить, что он допустил какую-то ошибку в подсчетах своего маленького богатства. Богатство это он прятал в тайнике, который сначала обнаружила его жена, а спустя год и дочь. Тогда Хадула прекратила воровать на время, чтобы не давать повода отцу что-либо заподозрить. Затем она стала таскать оттуда еще больше денег, но все же пасовала перед своей матерью, с которой никак не могла сравниться.

Та наворовала много и воровала искусно и методично. Она здорово нажилась благодаря делам, которые в основном вела сама, а также на продаже вина и оливкового масла – продуктах, производимых их семьей. Совсем немного, примерно столько же, сколько и ее дочь, она украла из заработной платы своего мужа. Спустя много лет, когда дела пошли в гору и старик Статис стал младшим бригадиром на верфи (он сам строил лодки и каяки на переднем дворе дома, и ему помогали только сын да его подмастерье), его жена смогла наворовать кучу денег, вырученных искусством судостроения.

Наконец, за несколько месяцев до свадьбы Хадуле удалось обнаружить тайник, где ее мать хранила свой узелок с деньгами. В погребке, в одной из дыр, между наполовину наполненных горшков и пустых бочек, лежал длинный и широкий лоскут, в котором старуха «держала на привязи», словно собак, примерно сто семьдесят серебряных монет, испанских, итальянских, турецких, – все ворованные у мужа или вырученные от торговли маслом и вином. Ее дочь, поразившись находке, в страшном волнении пересчитала монеты и затем снова положила их на место, так и не решившись к ним прикоснуться.

Но вечером накануне свадьбы Хадула, поняв, что родители (а особенно ее жестокая мать) не хотят давать за ней большого приданого, дождалась, пока та вышла из дома по какой-то нужде, и в ужасном волнении спустилась в подвал. Там она снова нашла «собачий» узелок и развязала его. На этот раз ей показалось, что в нем меньше денег. У нее не было времени их пересчитывать. Возможно, старуха взяла несколько монет и потратила их на неизвестные цели. Хадула поначалу подумала забрать весь узелок вместе со старым платком матери, но в последний момент испугалась. Она взяла только восемь или девять серебряных монет, то есть такое количество, которое не отразилось бы на размере узелка и их отсутствие не стало бы сразу заметным, и затем вновь завязала узелок. Потом она опять развязала его, взяла еще пять или шесть монет, всего пятнадцать. Хадула хотела взять еще две или три монеты, но тут послышались шаги ее матери. Девушка быстро завязала узелок и положила его на место.

Через несколько дней после свадьбы старуха обнаружила пропажу. Но она не стала ничего говорить дочери. Она была рада, что та не забрала весь узелок. «Совсем безмозглая», – процедила старуха сквозь зубы.

Все те деньги, что Хадула наворовала у своих родителей (а их было примерно четыреста курушей, денег того времени), она на протяжении многих лет усердно прятала. Но чтобы построить дом, ей пришлось еще подзаработать. Она, конечно, была трудолюбивой и умелой. Подрабатывала, насколько ей позволяли заботы о детях, которые рождались один за другим. Тем более в маленьких деревнях «нет специалистов, но есть мастера на все руки». Так, лавочник в небольшом поселке продавал всякую мелочь и разные снадобья и к тому же был ростов-

³⁴ *Пара, куруши* – названия денежных единиц в Османской империи.

щиком, и такой хорошей ткачихе, какой являлась Франгоянну, ничего не мешало быть еще и акушеркой или знахаркой, а также заниматься другими профессиями, главное – быть смекалистой, а Франгоянну была смекалистей всех женщин.

Она сушила разные травы, делала восковые мази и растирания, снимала порчу, приготавливала лекарства для больных, бледных и малокровных девушек, для беременных и рожениц и для тех, кто страдает женскими болезнями. Неся в левой руке корзинку, Хадула в сопровождении младших детей, Димитриса восьми лет и шестилетней Криньо, отправлялась в поля, в горы, перебиралась через овраги, долины и реки, искала травы, которые она знала, – пролеску, аронник, цикламен и всякие другие, срезала их или же вырывала с корнем, складывала к себе в корзинку и вечером возвращалась домой.

Из них она делала лекарственные мази, которые потом рекомендовала как проверенные средства против хронических болей в груди, желудке, кишечнике и тому подобное. И хоть прибыль была небольшой, ей все же удалось благодаря этим занятиям построить со временем свое гнездышко. Но ее птенчики начали оперяться и улетать на чужбину: старший сын Стафис, двадцати лет, перебрался в Америку и, прислав одно или два письма, пропал и больше не подавал признаков жизни. Через три года ее второй сын, Ялис, повзрослев, также сел на корабль.

Оба в ранней юности пытались заняться отцовским ремеслом, но ни один не преуспел, да и не хотели они им ограничиваться. Ялис, будучи нежным сыном и заботливым братом, написал матери из Марсея, что он также решил отправиться в Америку и найти своего старшего брата. С тех пор прошло много лет, и от обоих ни слуху ни духу.

Эти события заставили Хадулу вспомнить одну из самых забавных народных сказок. В ней говорится о том, как сыновья одной Старухи по очереди упали в кадушку с медом и увязли в нем: первый – потому что ему захотелось немного меда, второй – потому что хотел спасти брата, третьего же послали вернуть обоих. Затем в кадушку провалился и Старик, который пришел посмотреть, что стало с сыновьями. В конце концов только Старуха, которая пошла на поиски родных, увидев четырех увязших в меде мужчин, не стала приближаться к кадушке. Как любая старуха, она была хитрая и осторожная. Повернувшись к родным, она назидательно произнесла: «Это чтоб вам жизнь медом не казалась!»

Между тем, после того как Стафис и Ялис уплыли в Америку и, словно лотофаги или испившие из Леты, забыли все на свете, Дельхаро, ее первая дочь, все расцветала и расцветала. И Амерса, которая была на четыре года младше сестры, выросла так же быстро, и в какой-то момент очень «вымахала». Она была мужеподобной, смуглой и резвой, и соседки называли ее «мужиком в юбке». И младшенькая, Криньо, то есть Лилечка³⁵, что, увы, не была бела, словно лилия, а просто бледна, также начинала созреть.

«Боже, как же быстро они взростеют!» – думала Франгоянну. В каком саду, на каком лугу, какой весной вырастает это растение! И как оно прорастает, расцветает, распускается и разрастается! И все эти росточки, все эти саженцы также превратятся однажды в клумбы, заросли, сады? И так и будет продолжаться? В каждой семье, в каждом округе, районе, городе есть по две-три девочки. У некоторых четыре, у кого-то пять. У одной было шесть дочерей и ни одного сына, у другой семь дочерей и один сын, которому было суждено стать совершенно бесполезным.

И вот все родители, все семейные пары, все вдовы должны были во что бы то ни стало выдать замуж своих дочерей – всех пятерых, шестерых, а то и семерых! И за всеми дать приданое. Каждая бедная семья, каждая вдовица-мать с жалким полем в четверть десятины и убогой лачугой, измученная, вынужденная подрабатывать на стороне – обслуживать чужую богатую семью, работать у них в поле, на плантациях фиговых и тутовых деревьев, собирая листья и производя немного шелка, или же вскармливать двух-трех коз или ярок – и рассорившаяся со

³⁵ Греческое женское имя Криньо («Κρίνιό») происходит от слова «лилия» («Κρίνος»).

всеми соседями, платящая штрафы за малейший ущерб, облагаемая со всех сторон налогами и питающаяся ячменным хлебом, смоченным соленым потом, и вот эта женщина обязана пристроить всех своих дочерей и дать за ними пять, шесть, а то и семь раз приданое! О Боже!

И еще какое приданое по обычаям острова! «Дом в Котроньи, виноградник в Аммудые, оливковую рощу в Лехуни, поле в Строфлье». В последние годы, примерно в середине века, пристала еще одна зараза. Это обязательная наличность, называемая в Константинополе трахомой, – обычай, который, если я не ошибаюсь, в конце концов запретила Великая Церковь. Согласно этому обычаю, семья была обязана дать за невестой наличные деньги. Две тысячи, тысячу, пятьсот, кто сколько мог. Иначе пусть семья оставит себе своих дочерей. Положит их на полку – пусть останутся в девках! Запрёт в шкафу. Отправит в музей.

Глава 4

Вот о чем думала старуха в бессонную ночь. Петух пропел во второй раз. Должно быть, пошел третий час ночи. Месяц – январь. Свищет северный ветер. Огонь в камине потух. У Франгоянну пробежала дрожь по спине и заledenели ноги. Она хотела подняться, принести еще дров из предбанника, чтобы подбросить их в камин и снова разжечь огонь. Но замешкалась и почувствовала легкую дремоту – возможно, первый признак надвигающегося сна.

В этот момент – так некстати, ведь она только закрыла глаза, – послышался странный стук в дверь. Старуха всполошилась. Она не хотела кричать «Кто там?», дабы не разбудить роженицу, но, прогнав дремоту, которую и так уже прервал резкий стук, медленно поднялась и вышла из комнаты. Еще не дойдя до входной двери, она услышала знакомый тихий голос:

– Мама!

Она узнала голос Амерсы. Это была ее вторая дочь.

– Эй, ты чего? Стряслось что?

Хадула открыла дверь.

– Мама, – повторила Амерса, задыхаясь. – Что с ребеночком? Она жива?

– Спит, только успокоилась, – ответила старуха. – Да что на тебя нашло?!

– Мне приснилось, что она умерла. – Амерса говорила все еще дрожащим голосом.

– А кабы и померла, то что? – цинично спросила старуха. – Ты поднялась и пришла поглядеть?

Дом Янну, где она жила с двумя незамужними дочерьми (в те дни, когда она не ночевала подле роженицы), находился чуть поодаль, в нескольких десятках шагов на север. Этот дом был дан за Дельхаро в качестве приданого, тот самый старейший дом, построенный на сбереженные Хадулой деньги, которые она когда-то украла у своих родителей. Позже, через несколько лет после брака Дельхаро, ее матери удалось занять еще одно гнездышко, поменьше и победнее первого, но зато поблизости. Между этими двумя домами было всего два или три других дома.

Так вот оттуда и пришла Амерса в столь неурочный час. Она не боялась ночных призраков, была смелой и решительной девушкой.

– И ты поднялась и пришла поглядеть?

– Я проснулась в страхе, маменька. Я видела, будто девочка умерла, а на твоей руке – черная метка.

– Черная метка?..

– И ты хотела одеть ее в саван. Но когда ты начала ее одевать, твоя рука почернела... и будто ты сунула руку в огонь, чтобы избавиться от черноты.

– Пф! Вещунья! – фыркнула старуха Хадула. – И ведь принесло тебя сюда в такой час!

– Мама, я все никак не могла успокоиться.

– А Кринь что, не слышала, как ты ушла?

– Нет, она спит.

– А ежели она проснется и увидит, что тебя нет рядом, то что она подумает? Да она ж завопит! С ума спятит от страха!

Две сестры действительно ночевали одни в маленьком домике. Амерса была бесстрашной, от нее так и исходила уверенность, словно она была мужчиной. Ведь их отец давно помер, а братья отбыли на чужбину.

– Ты права, маменька, пойду-ка я обратно домой, – заторопилась Амерса. – Я и правда не подумала, что Криньо может проснуться и испугаться, что меня нет рядом.

– Ты можешь остаться здесь, – предложила ей мать. – Как бы только не проснулась Криньо да не перепугалась бы.

Амерса секунду колебалась.

– Маменька, может, я посижу тут, а ты пойдешь домой отдохнуть?

– Нет, – ответила старуха, немного призадумавшись. – Вот и эта ночь почти прошла. Завтра вечером я вернусь домой, а ты останешься здесь. А сейчас давай, иди отсюда. Хорошего дня!

Этот диалог произошел в маленьком, узком коридорчике, прямо перед комнатой, где на все лады храпел Констандис.

Амерса, пришедшая босиком, вышла легким, бесшумным шагом, и мать заперла за ней дверь. Девушка побежала домой. И что ей бояться призраков, если она не боялась даже своего брата Михалиса, которого также называли Муросом. Этот злодей, третий сын Франгоянну, которого та прозвала «басурманским псом», был на три года старше своей сестры Амерсы: однажды он пырнул ее ножом, но та спасла его, не желая сдавать жандармам. Мурос, без сомнения, пырнул бы ее еще, если бы остался на свободе. К счастью, он проявил в другом месте свою тягу к убийствам, и его вовремя заперли в венецианских казематах в старой башне, в Халкиде³⁶.

Вот как это произошло. Мурос был по своей природе несдержанным и вспыльчивым, хотя и обладал острым, женским умом – как говорила его мать, «умом, что порождает». С раннего возраста он сам научился мастерить разные красивые безделушки: кораблики, маски, статуэтки, куколки и все такое прочее. Он был грозой района, главарем хулиганов и верховодил всеми уличными мальчишками, всеми босьяками. Он рано начал пить и гулять, устраивать шумные забавы, сборища, собираться буйной компанией вместе со своими малолетними собутыльниками. Мурос был вечным зачинщиком перебранок на улицах, бросался камнями в проходивших мимо стариков, бедняков и немощных. Он никому не давал проходу.

Подсмотрев, как один бродячий кузнец изготавливает ножи, Мурос сам попытался начать ковать, однако безуспешно. У него во дворе, накрытом большим балконом, стоял огромный точильный круг, а весь подвал практически целиком был превращен в мастерскую, где парень точил ножи и бритвы для всех уличных мальчишек. Когда же у него не оставалось больше работы, то парень точил свой собственный нож. Он попытался сделать его обоюдоострым, хотя изначально нож не был задуман таким. Помимо этого, он пробовал изготовить револьверы, пистолеты, маленькие пушечки и другие орудия убийства. На те деньги, что Мурос выручал от продажи кукол, статуэток и масок, он, если не пропивал их, покупал порох. Он и сам пробовал его изготовить. В дни Пасхи, да и две недели спустя, никто не отваживался проходить мимо района, где царил ужасный Мурос. Стрельба не прекращалась ни на минуту.

В один из воскресных дней парень, сильно напившись, устроил на улице беспорядки. Двое жандармов, наслушавшись жалоб, стали его преследовать, чтобы «посадить» или увести в «казарму». Но проворный Мурос сбежал от них. В какой-то момент он обернулся и издали показал им язык, а затем снова пустился наутек и скрылся там, где они не могли его достать, –

³⁶ Халкида – главный город острова Эвбея.

в глубине навеса на судоверфи своего двоюродного брата. Когда жандармы перестали его преследовать, он набрался смелости и снова вышел на улицу.

В тот же день Мурос, все еще не протрезвев, дошел до того, что стал досаждать собственной матери, угрожая порезать ее. Он придумал, что старуха украла из его кармана деньги. Мурос настиг ее во дворе дома, где та хотела скрыться, и протащил пятьдесят шагов за волосы. Мать кричала, и на крик сбежались соседи. Время вечера, дело шло к закату. На шум прибежали и жандармы, те двое, что незадолго до этого преследовали Муроса и, судя по всему, не думали отступить – наоборот, были очень злы на дебошира. Увидав их, Мурос оставил свою мать и бросился наутек. Он был вынужден спрятаться в доме, так как его загнали в угол и у него не осталось другого, более безопасного укрытия.

Старуха, вся избитая и в грязи, поднялась и стала упрашивать жандармов:

– Ребята, оставьте его! Он сумасшедший, только и всего! Молю, не забивайте его до смерти своими хлыстами!

Она сказала это, увидев, что один из разъяренных жандармов держит в руках огромный хлыст. Но те не обратили внимания на мольбы старухи и бросились догонять ее сына. Они ворвались в убежище в подвальном помещении, где у Муроса была мастерская и где он поспешил укрыться, еле-еле успев запереть дверь на засов. Но засов был ветхим и плохо подогнанным, а Мурос, не жаловавший мирные ремесла, не удосужился починить его. Жандармы, словно непрочный засов, вошли внутрь.

Мурос, словно дикая кошка, взбирался по стене к люку. В этой стене, частично опиравшейся на скалу, были выступы, по которым парень мог быстро забраться наверх. Похоже, он привык к подобному виду гимнастики.

Засов на люке был заперт. Мурос открыл его, толкнув крышку головой и левым плечом. И затем, словно пловец, выныривающий из волны, он выпрыгнул из люка на пол и с шумом захлопнул крышку, поставив сверху что-то тяжелое – возможно, небольшой сундук.

Жандармы, гневно бранясь, стали обыскивать помещение. Они изъяли все найденные ножи и револьверы, а также круг и два других небольших точила и собирались покинуть мастерскую то ли чтобы отправиться восвояси, то ли чтобы подняться наверх в сам дом.

Мурос, будучи все еще пьяным, кипел от гнева. Там, наверху, находилась его сестра, Амерса, тогда девочка пятнадцати лет. Она испугалась, увидев, как он выбирается из люка таким странным способом. Из подвала доносились звуки шагов и ругань жандармов. Она наклонилась над щелью между плохо уложенными половыми досками и увидела блюстителей порядка в свете, идущем из двери подвала, которую те сами приоткрыли.

– Сука! Я убью тебя... и выпью твою кровь! – закричал Мурос, угрожая сестре без причины, так как не знал, на кого еще направить свой гнев.

– Тише!.. Тише!.. – прошептала Амерса. – Ах ты, Боже мой! Там внизу, в подвале, двое сыщиков... Все рыскают... Что им надо-то?

Она видела, как двое жандармов выносили из помещения маленькие неотшлифованные предметы оружия, которые изготовил ее брат, а также точильный круг и точила. Затем они внезапно свернули к углу, где стоял ткацкий станок ее матери, и один из них взял в руки челнок или иглу, подумав, наверное, что это тоже оружие, ведь он отчасти напоминал стрелу. Другой попробовал вытащить из станка навой, большой кусок дерева цилиндрической формы, на который наматывается сотканная ткань. Возможно, он никогда в своей жизни не видел подобного предмета и решил, что и его можно бы было использовать в качестве оружия.

Увидев это, Амерса издала глухой крик. Она хотела закричать, чтобы они оставили в покое челнок и навой, но звук застыл на ее губах.

– Заткнись, сука! – прорычал Мурос. – Что у тебя в башке? Куда ты там пялишься и над чем гогочешь?

Мурос, будучи пьяным, принял этот нечленораздельный крик сестры за смех.

Через несколько минут жандармы, посмотрев еще раз на крышку люка, которая захлопнулась ровно в тот момент, как они вошли, покинули помещение. Амерса вскочила. Девушке показалось, что она услышала скрип нижней ступеньки наружной деревянной лестницы, которая была покрыта большим балконом, словно навесом. Амерса бросилась к двери.

Девочка подумала, что двое сыщиков, как она их назвала, поднимаются по лестнице и, возможно, попытаются взломать входную дверь. Она склонилась над замочной скважиной и, стараясь разглядеть через это маленькое отверстие, что происходит снаружи, так как единственное окно было закрыто ставнями и она не нашла другого способа выглянуть на улицу.

Мурос, увидев, как его сестра бежит к двери, в пьяном бреду решил, что она хочет отпереть ее и сдать его жандармам. Тогда, ослепленный яростью, он вытащил откуда-то сзади, из-за пояса, свой наточенный нож и, бросившись на сестру, ударил ее справа под ребро.

Почувствовав холод стали, Амерса испустила душераздирающий крик.

Жандармы еще не ушли, но стояли подле двери, ведущей в помещение на первом этаже, будто размышляя, что же делать дальше. Услышав этот ужасный крик, они подняли головы и тотчас бросились вверх по лестнице. Достигнув балкона, они с силой постучали в дверь.

– Во имя закона! Откройте!

В этот момент одному из жандармов пришла в голову мысль о том, что злодей может снова проникнуть в подвал через люк. Он обернулся к сослуживцу:

– Эй ты, спустись-ка вниз, а то как бы он не удрал через подвальную дверь! И потом ищи-свищи его!

– О чем ты? – спросил второй, не сразу поняв, что хочет сказать его товарищ.

– О том! Делай, что тебе говорят!

Тогда второй жандарм, хоть он и был несколько неповоротлив, бросился что есть мочи вниз, чтобы запереть дверь мастерской или подкараулить злодея. Но было уже поздно. Мурос успел открыть крышку люка, отодвинув маленький сундук, и спрыгнуть вниз. Высота была примерно в одну сажень, но Мурос, легкий и проворный, приземлился на ноги и не покалечился, так как пол был усыпан щепками и опилками.

Он рванул со скоростью ветра, сбив с ног жандарма, свалившегося около наружной лестницы, и скрылся с быстротой молнии. Он побежал вверх, к Камням, туда, где обитали совы. Это был скалистый холм, возвышающийся за домом, где Мурос знал каждый камушек. Жандармам или кому-либо другому никогда не удавалось поймать его там.

Спрыгнув вниз, он вдруг вспомнил (может, отрезвев от происходящего или же «очнувшись», как он сам говорил), что, ранив свою сестру, он уронил нож на пол. Возможно, это произошло из-за того, что Мурос почувствовал страх и угрызения совести в тот момент – поэтому он неглубоко вонзил лезвие ножа, и рана была поверхностной.

Когда Мурос, задумав бежать, бросился к люку, он услышал, что жандармы поднимаются по лестнице, – у него уже не было времени вернуться и подобрать нож. Тогда, готовый спрыгнуть вниз, Мурос крикнул своей сестре:

– Брошь, сука! Не забудь спрятать брошь!

Он произнес слово «брошь», чтобы жандармы не услышали созвучное ему «нож». В этот ужасный момент злодей Мурос был абсолютно уверен, что сестра его все равно любит и потому спасет, не выдаст. На ноже осталась кровь, и его преследователи точно бы ее заметили. Спрятав оружие, он надеялся спрятать само преступление.

И действительно, Амерса, поняв, что жандармы в конце концов выбьют дверь, так как доски были дряхлые, а затвор заржавелый, наклонилась и, истекая кровью и практически теряя сознание, подняла нож. Затем она доползла до груды вещей – сложенных простыней, подушек и матрасов – и спрятала окровавленный нож под этими тряпками. Сама же она завернулась в старое, заштопанное, но чистое одеяло и уселась на низкой стопке, которая по ее весом стала еще ниже. Амерса приложила левую руку к ране и попыталась остановить кровь. На удивление

девочка не испугалась, хотя с ней в первый раз приключилась такая беда. Все происходящее казалось ей сном. Она сжала зубы, недоумевая, почему ей до сих пор не больно, но буквально через несколько секунд Амерса почувствовала острую, пронзающую боль.

В тот же миг дверь поддалась и слетела с петель. Один из жандармов с шумом влетел внутрь.

Амерса, завернутая с ног до головы в одеяло, даже не взглянула на него.

– Где этот разбойник? – закричал он грозным тоном.

Амерса не ответила.

Тогда жандарм, еще не зная о том, что Мурос сбежал, сбив с ног его напарника (это произошло ровно в тот момент, когда он выбил дверь, и этот грохот заглушил всякий другой), стал обыскивать переднюю, где находилась Амерса, затем зимовку, потом маленькую комнатку. Он никого не нашел и обнаружил только открытый люк.

Скоро пришел его товарищ.

– Удрал?

– Спрыгнул через люк, на землю...

– А ты где был? Почему не догнал его?

– Да мне досталось! Вот это скорость!.. Семь верст в час!

– Ох! – вздохнул, покачивая головой, первый жандарм и, согнув указательный палец правой руки, поднес его ко рту, словно хотел прикусить. – Теперь нас точно попрут с работы!

Второй жандарм, пытаясь казаться строгим, обратился к Амерсе:

– Девка, а ну-ка отвечай, куда смылся твой братец?

Та ничего не ответила. Однако, несмотря на страшную боль, которую она испытывала, девушка с иронией подумала: «Сам знаешь».

– Ты чего там сидишь, девочка? – спросил другой. – Он тебе не надавал случаев?

Амерса отрицательно покачала головой.

– Что ему надо было от тебя? Может, он тебя порезал?

– Ты чего так орала-то? – добавил второй.

Амерса ответила на вопрос первого жандарма:

– Нет!

– Нет, правда, может, он порезал тебя? – настаивал тот.

Амерса как можно более естественно произнесла:

– Он же мой брат, как он может меня порезать?!

– Тогда чего ты там сидишь, что с тобой? Ты что, больна?

– У меня жар!

Амерса не подумала, что кровь, должно быть, запачкала пол и солому. Но солнце уже село, и дом окутала темнота. К тому же место, куда упал окровавленный нож, было спрятано за одностворчатой дверью, приоткрытой на две трети и касавшейся стены, поэтому оба жандарма не видели пятен крови.

– Так чего ты орала-то? – настаивал первый жандарм.

– Мне было больно и дурно, – ответила Амерса.

И тут же, как бы подтверждая свои слова, она на самом деле стала терять сознание. Она воскликнула: «Ох!» – и, сжав зубы, нагнулась вперед. Блюстители порядка, испугавшись, переглянулись, и один из них нервно спросил:

– Да где ж ее мать-то носит?!

Как будто услышав этот призыв, в дом вбежала Франгоянну.

– А вот и та старуха, которую собственный сын за волосы по улице таскал! – обрадовался второй жандарм.

Затем добавил:

– Тетя, скажи-ка мне, где твой сыночек?

Франгоянну ничего не ответила и подбежала к Амерсе. Она была искусной знахаркой и могла позаботиться о своей дочери.

Амерса часто вспоминала эту историю. Она думала о ней во время долгих ночей, на закате и на рассвете, когда, лежа рядом со спящей Криньо, не могла уснуть в то время, как их мать находилась подле роженицы. Вернувшись домой после своего ночного похода, который она предприняла, будучи «вещуньей» и испугавшись страшного сна, Амерса увидела в тусклом свете лампадки, зажженной подле старой и почерневшей иконки Богородицы, что Криньо еще спит и, кажется, совсем не просыпалась. Возможно, когда Амерса только вошла, Криньо сквозь сон услышала негромкий шорох, вздохнула и, не просыпаясь, перевернулась на другой бок.

Вещунья! Так оно и есть. Вернувшись домой к сестре после третьего крика петуха, Амерса вновь вспомнила то слово, которым мать нарекла ее. Неужели она в самом деле была вещуньей? Ведь ее сны, видения и звуки, которые она порой слышала, часто что-то да означали, или же хотели что-то показать, оставляя после себя странное ощущение. И та ложь, которую она порой говорила, становилась для нее невольной истиной. Как, например, в тот вечер, когда брат ранил ее, Амерса, отвечая на вопросы дотошных жандармов, сказала: «Мне было больно и дурно». И она действительно начала терять сознание, как только это произнесла, словно какая-то высшая, демоническая сила хотела скрыть ее ложь.

Амерса вновь легла подле сестры, но не могла уснуть. Воспоминания не оставляли ее, но они не были столь мучительными и мрачными, как воспоминания ее матери. И на протяжении долгих часов она не прекращала думать о судьбе своего брата, Муроса, что в настоящий момент находился в темнице Халкиды.

Глава 5

Когда Амерса ушла, Франгоянну, сгорбившись в углу, между камином и люлькой, вновь ударилась в свои горькие и далекие воспоминания, потеряв всякий сон. Итак, когда оба старших сына уплыли в Америку, а Дельхаро подросла, ее мать должна была позаботиться о том, чтобы пристроить дочь, в то время как отец, старик по прозвищу Счет, палец о палец не ударил. Все знают, каково женщине быть одновременно матерью и отцом, притом что она даже не вдова. Она одна должна сосватать дочь и дать за ней приданое, быть одновременно свахой и снарядихой. Как отец, она должна отдать дом, виноградник, поле, оливковую рощу, занять денег, сбегать к нотариусу и договориться о закладе. Как мать, она должна «пошить» и обеспечить дочь «параферной», то есть дополнительным приданым, а именно простынями, вышитыми сорочками, шелковыми платьями с золотым шитьем по подолу. Как сваха, она должна отыскать жениха, охотиться за ним, подцепить его на крючок, заманить в ловушку. И какого жениха!

Такого, как Констандис, что храпел в это время в соседней комнате за перегородкой, – лысого, непутевого. И даже у такого свои капризы, запросы, прихоти. Сегодня он попросит одно, а завтра другое. Сегодня потребует столько-то, а завтра еще больше. И всякие завистники да недоброжелатели науськивают его, строя козни, плетя интриги и возводя напраслину, так что он уже не хочет жениться. А после помолвки поселяется в доме будущей тещи и «заделывает» ребеночка. И каждый день живет себе припеваючи.

И вот такого жениха с невероятными усилиями и неопикуемыми мучениями спустя какое-то время все-таки удается затащить под венец. А рядом с ним стоит невеста, облаченная в роскошный свадебный наряд, результат многих дней голодания и экономии, и светится от гордости, а от ее осиною талии, которой она когда-то славилась, не осталось и следа.

И через три месяца после свадьбы она рождает дочь, еще через три года – сына, а потом, спустя два года, – снова дочь, ту самую, что столько ночей не дает уснуть старой бабке.

И из-за всех этих девок их матери предстоит страдать в три раза больше, чем из-за нее страдала собственная мать.

Бедная мужеподобная Амерса так и осталась в девках, ну и хорошо. Она вовремя раскусила всю прелесть брака. И впрямь разумная девка. Что за радость от этих мучений? Она совсем не завидовала замужним. Да чему завидовать? Она смотрела на свою старшую сестру, и ее сердце обливалось кровью, так она ее жалела.

Что касается младшенькой, Криньо, пусть и ее Бог научит уму-разуму! Как бы там ни было, мать не собирается – у нее просто больше нет сил – так мучиться, чтобы ее сосватать, как она намучилась со старшей дочерью. Но я вас спрашиваю: и впрямь нужно плодить так много девиц? А коли они уже родились, стоит ли их растить? «Ах, если бы, соседка! Ежели Харос хочет забрать их, помоги ему, – говорила Франгоянну. – Не дай Бог им вырасти».

Эта женщина, пережившая столько страданий, испытала огромное и возвышенное облегчение, когда ей как-то довелось вместе с небольшой процессией, возглавляемой несущим крест священником, тащить в своих собственных руках (ведь она была милосердной и сострадательной) маленький гробик в форме люльки. Провожали до могилы дочь соседки, дальней родственницы. Она не могла разобрать, что бормотал сквозь зубы священник. «Ничтоже есть матери сострадательнее, ничтоже есть отца умиленнее... Многажды бо пред гробом сосцы бьют и глаголют: о сыне мой и чадо сладчайшее, не слышиши ли матери твоея, что вещает? Се и чрево носившее тя: чесо ради не глаголе-ши, яко глагола еси нам? Но тако молчиши глаголати с нами: Аллилуиа!» И затем снова: «О чадо, кто не восплачет, зря твое ясное лицо увядаемо, еже прежде яко крин красный?»

Но особую радость она испытала, когда маленькая процессия после десяти минут шествия прибыла на погост. Красивая местность, вечная весна, все цветет и благоухает, словно в саду. Вот он, сад мертвых! Еще в этом мире рай распахнул врата, чтобы принять маленькое невинное создание, которому посчастливилось избавить своих родителей от стольких мучений. Возрадуйтесь, ангелочки, парящие вокруг на позолоченных крыльях, и вы, души святых, примите ее!

Придя вечером в дом скорбящей семьи, Хадула не нашла никаких утешительных слов – она не могла скрыть свою радость и все называла счастливым невинное дитя и его родителей. Скорбь была радостью, и смерть была жизнью, и все наоборот.

А! Так вот... Каждая вещь – не то, что кажется, а что угодно другое, возможно даже противоположное.

Поскольку скорбь есть радость, а смерть есть жизнь и воскрешение, то несчастье есть удача, а болезнь – здоровье. И все эти бичи – оспа, скарлатина, дифтерит и тому подобное – они кажутся такими ужасными, они сеют смерть и губят маленьких детей, но разве это не счастье на самом деле? Разве это не ласка, не взмах крыльев маленьких ангелов, что радуются на небесах, принимая к себе души младенцев? И мы, человеки, в своей слепоте считаем это несчастьем, бедой, какой-то напастью.

Бедные родители теряют рассудок, платят кучу денег всяким шарлатанам и покупают втридорога лекарства, чтобы спасти свое дитя. И они даже не подозревают, что на самом деле не спасают его, а лишь теряют. Вот и Христос говорил, по рассказам духовника, что тот, кто хочет сберечь свою душу, потеряет ее, а тот, кто ее ненавидит, обретет ее в вечной жизни.

И впрямь разве не пристало людям, кабы они не были столь слепы, помогать зажатому в ангельских крылах бичу, что их хлещет, а не пытаться заговорить его и спастись? Вот ангелочки, они беспристрастны, они не судят и принимают в рай всех – и мальчиков, и девочек. Чаше, конечно, нынче мрут мальчишки – баловни, единственные сыновья. А у девочек поистине семь жизней, – думала старуха. С трудом заболевают и редко умирают. Разве не подобает нам, истинным христианам, помочь делу ангелов? Ах, сколько мальчишек, в том числе из знатных семей, уходят раньше времени. Да даже девочки из знатных семей умирают чаще, чем это

несметное количество девиц, порожденных беднотой! Только у этих девчонок семь жизней! Они как будто специально плодятся, чтобы превратить жизнь своих родителей в ад еще на этом свете. Ох, у того, кто только подумает об этом, «ум начинает мешаться»!

В этот момент малютка начала кашлять и захныкала. Старухе, взбудораженной своими мыслями и нахлынувшей на нее волной воспоминаний, вдруг стало дурно от волнений, как будто ее жизнь вызвала у нее приступ тошноты; почувствовав неудержимую сонливость, она стала засыпать.

Малютка кашляла, плакала и шумела «как взрослая». Ее бабка вздрогнула и, повернувшись к ней, вновь потеряла свой сон.

Роженица крепко спала и не слышала ни кашля, ни плача.

Старуха мрачно открыла глаза и сделала угрожающий жест рукой.

– Да когда ты уже заткнешься? – проворчала она.

У Франкоянну в самом деле ум стал мешаться. Она совершенно потеряла рассудок. Этого следовало ожидать, ведь она была так взбудоражена своими размышлениями. Склонившись над колыбелькой, она засунула в рот малышки два длинных огрубелых пальца, чтобы «заткнуть» ее.

Она знала, что маленьких детей сложно «заткнуть». Но старуха словно обезумела. Она плохо осознавала, что делает, да и боялась признаться самой себе, что собирается сделать.

Она долго не вынимала пальцев изо рта девочки. Затем, когда у той остановилось дыхание, пальцы старухи скользнули по шее ребенка, и она сжала ее на несколько секунд.

На этом все закончилось.

В тот момент Франкоянну и не вспомнила сон Амерсы, который та, придя около часа назад перед третьим криком петуха, пересказала своей матери!

Ее ум мешался!

Глава 6

Вернувшись домой, Амерса улеглась подле младшей сестры, но не могла сомкнуть глаз, вспоминая своего брата, несчастного злодея. С тех пор как Мурос сбежал, она его больше не видела. Жандармы разыскивали его, но никак не могли найти.

Тогда после допроса, во время которого Амерса ничего не рассказала сыщикам, ее мать, вернувшись домой, нашла свою дочь закутанной в одеяло. Голова Амерсы поникла, она была очень бледна. Казалось, девочка вот-вот лишится сознания от потери крови.

Когда один из жандармов, тот самый, которого Мурос уронил на бегу, спросил старуху, где ее сыночек, Франкоянну ничего не ответила. Второй же, казавшийся более человечным, сказал ей спокойным тоном:

– Глянь-ка, тетя, что там с твоей дочкой. Она говорит, что ей дурно.

– Знамо дело! Тут любому худо станет, – с готовностью ответила Франкоянну. – Ее напугали выкрутасы моего умника-сына... Парни, прошу вас, когда вы его поймаете, не мучьте его сильно...

– Ты его видела? Знаешь, куда он побежал?

– Я видела его издалеча! Он побежал через Луга, а дальше к Току.

Франкоянну солгала дважды. Она не видела Муроса, но была уверена, что он побежит не к Току, а в противоположную сторону, к Камням на восток, туда, где он с детских лет охотился на сов.

Двое мужчин поторопились уйти. Один из них, выйдя из дома, в последний раз недоверчиво заглянул в полуоткрытую дверь.

Хадула заперла дверь. И тут же открыла окно.

– Маменька, он ударил меня ножом! – простонала Амерса, приходя в себя от ворвавшейся в открытое окно струи ветра.

Она распахнула одеяло, и показалась залитая кровью фуфайка, которую девушка носила поверх сорочки.

– Боже ты мой! – заохала ее мать. – Убийца! Чтоб Бог покарал его, чтоб земля его не носила! – Хадула, увидев кровь, начала проклинать сына.

Затем она ощупала дочь, пытаясь остановить кровь и перевязать рану. Когда она сняла с дочери фуфайку и стянула рукав сорочки, показалось правое плечо Амерсы, худое и бледное, но при этом мускулистое и крепкое.

Хотя рана была не очень глубокой, кровь текла обильно. Ха-дула попыталась остановить ее всеми известными ей способами, в том числе с помощью камня-кровоавика, и затем перевязала рану. Вскоре кровь остановилась.

Амерса немного ослабла, но она была сильной, храброй и ничего не боялась. И действительно, через несколько дней благодаря заботе матери рана зажила.

Франгоянну никогда бы не позвала врача. Она не хотела, чтобы вся округа узнала о том, что ее сын порезал сестру ножом. И всем соседкам, спрашивающим «из добрых побуждений», она, то изображая гнев, то натянуто смеясь, лгала и говорила, что Мурос не трогал сестру. Больше всего ей хотелось узнать, удалось ли ее сыну ускользнуть от жандармов, а там – пусть идет на все четыре стороны.

Через несколько дней она и вправду узнала, что ночью ее сын тайно поступил матросом на судно и покинул остров. Помощник начальника порта был человеком сговорчивым, доброжелательным и, не раздумывая, принял его на работу. Муросу тогда было почти двадцать, а Амерсе только исполнилось семнадцать.

Много месяцев спустя семья получила новости о беглеце. Через год с лишним прошел слух, что Мурос во время плавания убил кого-то на своем корабле. Его сестры, услышав об этом, говорили, что ничего не знают и всей душой надеются на его невиновность. Но их мать интуитивно чувствовала, что слухи правдивы.

Через несколько дней она получила письмо с почтовым штампом Халкиды. Мурос писал из каземата этого города. Сначала он во всех красках описал ей свои мучения и страдания в казематах венецианской крепости. Затем, сокрушаясь всем сердцем, сознался (не напрямую, но как бы между строк), что, возможно, он в самом деле убил человека, старика Портаитиса, боцмана корабля, но он не очень понимал, что делает, и не желал этого (и в самом деле, он не хотел его убивать). Тот вынудил его, он сам ни в чем не виноват, убийство произошло в пылу ссоры. Муроса охватила ярость. К тому же, как выяснилось, нож принадлежал жертве. Возможно, он достал его (хотя и не помнил как) из-за пояса боцмана. Сам он считал, что выхватил нож из его рук.

Затем Мурос вновь стал рассказывать о своих мучениях, которые он претерпевает в тюрьме последние два месяца. Он воззвал к материнской любви и стал заклинать старуху пойти и непременно найти Портаитену, вдову Портаитиса, и его дочь Хариклию и умолять их со слезами на глазах, совершить чудо – уговорить их, чтобы те потребовали оправдания убийцы!

«Мама, пойдя да сядь на корабль, доплыви до Платаны³⁷ и уприси Портаитену и Хариклию, чтобы они замолвили за меня словечко и меня признали невиновным, а я стану им семьей, возьму Хариклию в жены без всякого приданого, и мы будем жить долго и счастливо... Они увидят, как я буду любить Хариклию и уважать свою тещу, буду трудиться словно проклятый, чтобы их обеспечить, потому что я способный и умею зарабатывать...» В конце письма убийца, рассказав в третий раз о своих мучениях, пообещал, что если он выйдет из тюрьмы, то приве-

³⁷ Платана (греч. Πλάτωνα) – деревня на острове Эвбея.

зет им много хороших вещей и украшений, чтобы обеспечить приданым обеих сестер, а также куклы и игрушки для детей его старшей сестры, Дельхаро.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Франгоянну ни минуты не колебалась. Она выручила немного денег, заложив серебро, села на корабль и, приплыв на противоположный остров, в деревню Платана, разыскала там вдову Портаитиса. Однако поистине удивительно то, что ей удалось осуществить намеченное. Используя все свое страстное красноречие, свою женскую многоречивость, наврав с три короба – ей шел пятьдесят шестой год, но она была в самом расцвете и полна сил – Янну сумела убедить старуху, вдову убитого (стоит отметить, что, помимо всего прочего, мать с дочерью приютили мать убийцы), повторюсь, она сумела убедить ее взять на себя дорожные расходы и вместе поехать в Халкиду и молить прокурора, суд и присяжных освободить от вины или даже оправдать подсудимого. Что касается дочери, Хариклии, то она заявила, что не жаждет мести, так как это не вернет ее отца, но и женой убийце не станет, уж лучше навсегда останется в девках.

Итак, две старухи отправились в Халкиду и жили там три месяца в полуразваленном турецком домике, рядом с еврейским кварталом, у верхних ворот крепости. И каждое утро, когда заключенных выводили на улицу, Хадула приходила к тюрьме; Портаитена в это время ждала ее рядом с тюрьмой, не желая видеть убийцу в лицо. Проходя мимо громоздкой старой церкви Святой Параскевы, они крестились, и мать относила осужденному крендельки, сардины, инжир и табак для трубки. И в глубоком кармане, тайно, она проносила маленькую чекушку рома или ракии, чтобы утешить заключенного.

Два-три раза в неделю они выходили за Верхние ворота крепости и видели там подвешенные голень и царухи «греческого гиганта». Они с нетерпением ждали своего возвращения домой, чтобы рассказать об этой невидальи внукам. Затем они направлялись в квартал Сувала, или Святой Димитрий, и посещали там прокурора, секретарь которого каждый раз прогонял их, и судей, что иногда снисходили и точили с ними лясы.

Наконец, когда был назначен день суда, они попытались приблизиться к присяжным, прибывшим кто из горных деревень, в фустанеллах³⁸, кто с островов и прибрежных городов, в шароварах. Франгоянну посулила им всем разнообразные подарки, и она действительно сдержала бы свое обещание, если бы у нее были мускатные вина, хорошее масло янтарного цвета, мясо омаров, вяленая кефаль, боттарга³⁹, вяленые осьминоги, отборный инжир и все такое прочее, что производилось на ее острове.

Одного из присяжных, что был бледным и чахоточным, она пообещала вылечить с помощью чудодейственной мази, которую знала. Но все было напрасно, и убийцу приговорили к двадцати годам заключения. Франгоянну потерпела неудачу, и все ее планы провалились, в том числе и план породниться с семьей убитого.

Теперь обе старухи должны были вернуться домой, но они потратили все свои деньги: и те, что взяли с собой, и те, что присылала Амерса, подрабатывая ткачихой. У Франгоянну не получилось упробить ни один отплывающий в Малийский залив или в Истиею⁴⁰ корабль взять на борт хотя бы Портаитену, так как та была старше и слабее ее: все капитаны требовали не только заплатить денег, но и иметь при себе еду, и когда Франгоянну поняла, что если вдову высадят в Стилиде⁴¹ или в Ореи, то ей придется искать еще один корабль до дома, она поведала свой план:

– Мы можем пойти по суше, на своих двоих; говорят, что отсюда до Айна Анна два дня ходу. Там найдем почтовый катер, и капитан Пецерелос, наш знакомый почтарь, подберет нас.

³⁸ *Фустанелла* – традиционная юбка, которую носили мужчины нескольких стран на Балканах – в Греции, Албании, Болгарии.

³⁹ *Боттарга* – прессованная сушеная икра серой кефали или синего тунца.

⁴⁰ *Истиея* (греч. Ιστιαία), *Ореи* (греч. Ορειοί), *Айна Анна* (Αΐνα Άννα) — название деревень на острове Эвбея.

⁴¹ *Стилида* (греч. Στυλίδα) – город в центральной части Греции.

Расходы я беру на себя – буду собирать по дороге всякие лечебные травы, растения да молочник, и каждой, что мне встретится на пути с больным ребенком или мужем, я сварганю лекарство, чтобы она помогла своим и дала нам денег... Ты как, сдюжишь? По силам тебе эта дорога?

– А что мне остается делать? Могу, не могу, – ответила Портаитена. – Уж лучше нам вместе возвращаться, так же как и пришли.

И они двинулись в путь. Они все сделали так, как сказала Хадула, разве только задержались немного в пути из-за того, что Портаитена медленно ходила. И надежды Хадулы оправдались. Спустя неделю она вернулась домой не с пустыми руками: благодаря тому, что по дороге она оказывала разные услуги и получала за это вознаграждение, старуха принесла в дом мешок пшеницы, примерно одну оку⁴² сыра, двух птиц, шерстяное покрывало, которое ей подарили, и еще горсть драхм. Благодаря этой прибыли она щедро заплатила за Портаитену, чтобы та смогла добраться домой.

Амерса хорошо помнила эту историю, так как мать постоянно ее пересказывала. С тех пор прошло двенадцать лет, ее брат все еще в тюрьме, отец недавно умер, Стафис и Ялис так и не вернулись из Америки, младшенький Георгакис⁴³ тоже ушел в море, Криньо подросла, Дельхаро родила еще одну дочку, а она, Амерса, до сих пор так и не вышла замуж.

Глава 7

В темной комнате воцарилась мертвая тишина после того, как кашель и плач девочки так резко прервались. Франгоянну склонила голову и, подперев ее обеими руками, перестала о чем-либо думать. Ей казалось, что ее больше не существует. Даже дыхания не было слышно. Ни малейшего шороха. Ни треска пламени в камине, ни гула, и наполовину сгоревший фитилек лампы светил грустным светом. Маленькая лампадка, стоявшая у иконостаса, потухла, и больше не было видно ликов святых.

Роженица резко вздрогнула и проснулась, нарушив царивший покой.

– Мама, что случилось? – спросила она.

Старуха посмотрела на дочь, и взгляд ее в свете лампы казался зловещим и растерянным.

– Ничего не случилось, – ответила она. – А ты что проснулась?

– Мне показалось, ты что-то сказала... что ты позвала меня, сквозь сон.

– Я?.. Да нет. Тебе это почудилось.

⁴² Ока – единица измерения веса и объема, применявшаяся в Османской империи. Равна примерно 1/4 литра или 1,2828 кг.

⁴³ По всей видимости, имеется в виду младший сын Франгоянну Димитрис. Скорее всего, это авторская ошибка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.